

СПОРТ

ЭКСПРЕСС

Эдуард СТРЕЛЬЦОВ

**насильник
или
жертва?**

Версия
Акселя
Вартамяна

Т Е Р Р А - С П О Р Т

SHOUT **IT**
SHARE

Annotation

ОБ АВТОРЕ

Историко-филолог по образованию, 25 лет проработал преподавателем в школе. Футбольной статистикой занимается с 1946 года. С 1991 года – в еженедельнике «Футбол». С 1999 – обозреватель еженедельника «Спорт-Экспресс Футбол» и газеты «Спорт-Экспресс».

АННОТАЦИЯ

Автор книги о судьбе талантливого футболиста Эдуарда Стрельцова выдвигает собственную версию трагических событий в жизни спортсмена и последовавшего за ними лишения свободы, подкрепляя ее точными фактами, доказательствами и выдержками из протоколов судебных заседаний и газетных публикаций тех лет.

- Аксель Вартанян

-
- Вместо предисловия.
- Насильник или жертва
- Одесса. Стадион «Пищевик»
- Возмущающиеся трудящиеся
- Будет сделано!
- По законам дружбы
- Взгляд сквозь темные очки
- Почивающая Фемида
- Год 1956-й. Еще в фаворе
- Кто дозволил жениться?
- В Европу прорубил окно
- 9 ноября 1957 года
- 17 ноября 1958 года
- 26 января 1958 года
- Сборная опровергает
- Чуть что, так косо
- Какова цена салата
- 26 мая 1958 года
- Суд скорый и неправый
- «За что?»
- Стрельцов был наказан партией?
- Стрельцов хотел остаться в Швеции?
- Интриги силовых структур?
- Мсть Екатерины Фурцевой?

- Свидетельствуют футболисты
- Улики косвенные
- Отчего вода в море соленая?
- А был ли мальчик?
- И тогда же за дело взялся пролетариат
- «Стрельцова на поле!»
- Ходоки у Брежнева
- Нет вопроса – нет ответа
- Полярная ночь
- Сократ мне друг...
- Знакомство
- Первый и самый юный
- 1954–1958
- Гол века?
- Сто дней
- Пас пяткой
- Зона
- Карантин. 1963-1964
- Чудо. 1965-1968
- И уважать себя заставил
- Кто же еще?
- Немного статистики
- Таблицы
- Место заключения.

Аксель Вартанян

**ЭДУАРД СТРЕЛЬЦОВ. НАСИЛЬНИК
ИЛИ ЖЕРТВА?**

Вместо предисловия.

РУССКИЙ ПЕЛЕ

(из досье «СЭ»)

Эдуард Стрельцов (21.7.1937 – 22.7.1990) начал играть в юношеской команде «Фрезер». Выступал центральным нападающим в московском «Торпедо» (1954 – май 1958, 1965–1970). 222 матча, 99 голов в чемпионатах СССР. Чемпион СССР 1965, 2-й призер чемпионата 1957, 3-й призер 1958. Обладатель Кубка СССР 1968. Лучший бомбардир чемпионата СССР 1955 – 15 голов.

В «33 лучших» – № 1 (1956, 1965, 1967, 1968), № 2 (1966). Лучший футболист страны 1967, 1968. Победитель Спартакиады народов СССР 1956 в составе сборной Москвы. В сборной СССР 39 матчей, 25 голов. Чемпион Олимпийских игр 1956. Член символического Клуба Григория Федотова (143 гола). Занял 7-е место в опросе «Франс футбола» («Золотой мяч») – 1957. Тренер «Торпедо» (1974), школы «Торпедо» (1971–1990). Его именем назван стадион «Торпедо» – 1997.

Он ворвался в большой футбол ниоткуда вместе с ветром перемен, которого ждала страна после смерти великого тирана. Безвременье, возникшее на какой-то период после схода великих центрфорвардов Федотова, Боброва, Бескова, оборвалось с выходом на арену юного красавца-атлета с обезоруживающей улыбкой и залихватским чубчиком. 17-летний форвард с типично футбольной фамилией вмиг привлек всеобщее внимание к нашедшему его на стадионе «Фрезер» в Перове «Торпедо», которое в ту пору не было ровней не только «Динамо» и «Спартак», но и некоторым другим клубам. Стрелец в паре с Кузьмой (Валентином Ивановым) составили ударный дуэт автозаводцев, на который валом повалила публика.

Стрельцов на поле – это было зрелище, настоящая, истинно русская богатырская потеха. Этот футбольный Алеша Попович щедро рассыпал свой талант на радость почитателям игры, и все, независимо от клубных привязанностей, рукоплескали ему. Его прорывы были сродни бобровским, но мощнее и элегантнее. Вспоминаю, как в майском матче 1956 года со «Спартаком» он получил мяч на ходу в центральном круге и пошел с ним на ворота, маневрируя корпусом, да так, что кто-то становился жертвой его обмана, а кто-то отлетал, как от стенки. Мощный удар прозвучал как завершающий аккорд, но молодцом оказался

спартаковский голкипер Владас Тучкус, дувший потом на свои обтянутые перчатками ладони словно после ожога. Никита Симонян, тоже звезда первой величины, рассказывал, как Николай Старостин на следующий день пенял спартаковскому стопперу Анатолию Масленкину: «Вот торпедовец Хренов не давал хода Симоняну». А тот в ответ: «Ну что вы сравниваете. Против Симоняна и я сыграл бы».

Годом раньше Стрельцов уже устроил новую Полтаву шведам на стокгольмском стадионе «Росунда», своим хет-триком задав тон полному разгрому национальной сборной викингов – 0:6! А в 1956 году стал в составе сборной СССР олимпийским чемпионом, великолепным ударом решив исход полуфинального матча с болгарями. Но на победный финал центрфорвардом вышел более опытный Никита Симонян. Золото выдавалось только участникам финала, и щедрый спартаковец предложил его Стрельцову, признавая его больший вклад в общий успех. 19-летний торпедовец наотрез отказался принять подарок: «Вы уже в возрасте, а у меня еще сколько Олимпиад впереди!». Но не оказалось в его биографии больше ни Олимпиад, ни чемпионатов мира и Европы.

Тогда не уставали писать, что слава вскружила голову новоявленной звезде, хотя это было не так. Добрый и скромный, отзывчивый и компанейский Стрельцов не мог устоять перед торжественными застольями, на которые требовался свадебный генерал. «На свадьбу вот пригласили, от чистого сердца. Не пришел бы, обиделись», – оправдывался он раз за разом. Грешки свои бытовые потом, пышущий талантом и здоровьем, он с лихвой замаливал на поле.

Накануне решающего матча за путевку на первый для сборной СССР чемпионат мира 1958 года, Стрельцов с Ивановым опоздали на поезд, увозивший сборную СССР в Лейпциг на игру с поляками, взяли на Белорусском вокзале лихача, раньше поезда домчались в Можайск, уговорили начальника станции зажечь красный свет семафора и присоединились к команде. Но кары им все равно было не избежать. Стрельцов, выходя на матч, сказал: «Теперь я просто обязан забить, иначе – труба». Но вскоре после грубой атаки соперника рухнул, как подкошенный. Еле доплелся до бровки, попросил доктора: «Делай мне какую хочешь заморозку, но я должен доиграть!» Он и доиграл, и открыл счет в этом победном для нашей сборной матче.

Но в Швецию все-таки не попал. Кто-то пытался доказать, что любимец публики был невиновен, стал жертвой провокации сверху (известно было, что он отказал в расположении дочери одной из сановных персон того времени Екатерины Фурцевой) –

как бы то ни было, вместо отъезда со сборной на чемпионат мира Стрельцов на шесть лет угодил в места не столь отдаленные.

Но Стрельцов вернулся на поле. Играл на первенство Москвы за клубную команду «Торпедо», собиравшую толпы зрителей, которые не могли скрыть удивления: почему выдающегося игрока не пускают в большой футбол. На этот вопрос однажды в узком кругу ответил другой большой мастер Альберт Шестернев: «Если Стрельцов вернется в команду мастеров, уже через месяц станет очевидно, что его место в сборной. А они там, наверху, и помыслить не могут, чтобы цвета страны защищал бывший зек». И все же Эдуард Стрельцов вернулся в родное «Торпедо», а вскоре, как предсказывал Шестернев, и в сборную.

Вернулся уже не тем бесшабашным увальнем, которому море было по колено, а 28-летним умудренным футбольным и жизненным опытом лидером, вокруг которого строилась вся торпедовская игра. Очень метко обрисовал новый образ Стрельцова известный футбольный аналитик Николай Глебов: «Стрельцова плотно опекали, и все-таки он умудрялся хоть на секунду ускользнуть из-под опеки. Стоило ему один раз дотронуться до мяча, и торпедовская атака сразу оживала, сверкала новыми красками».

В 1966 году он напомнил самого себя 10-летней давности, в одиночку прорвавшись к воротам киевского «Динамо», обыграв по пути трех защитников. Этот гол признали самым красивым в сезоне, но его автор был не в восторге: «Удовольствия от него я получил меньше, чем от многих других голов. Мне голы всегда нравятся не индивидуальные, а коллективные». Сколько блестящих, несравненных пасов он выдал за свою карьеру! А пас пяткой, образец которого он продемонстрировал в финальном кубковом матче с «Пахтакором» в 1968 году – голевой Юрию Савченко, стал хрестоматийным.

«Таких футболистов, как Эдуард Стрельцов, я больше не видел. И, думаю, никогда не увижу», – писал о нем другой великий торпедовец Валентин Иванов. Всякий, кто повидал Стрельцова в расцвете его таланта, готов подписаться под этими словами.

Павел АЛЕШИН

Насильник или жертва

Тщательное изучение материалов судебного дела Эдуарда Стрельцова профессиональными юристами сомнений не оставляет: расследование велось с грубейшими нарушениями, дело сфабриковано, осужден человек невиновный, а истинный насильник по сей день к ответственности не привлечен.

Возглавляемой grossмейстером Анатолием Карповым Комиссии по реабилитации Стрельцова пока не удалось добиться пересмотра дела, из-за чего формально, юридически, Стрельцов все еще считается виновным по двум статьям Уголовно-процессуального кодекса.

Авторы многочисленных газетно-журнальных публикаций солидарны в одном: Стрельцов – жертва наделенных высокой властью сил. В пользу этого довода выдвигается несколько версий, каждая из которых с разной степенью вероятности имеет право на жизнь. Вот и ваш покорный слуга после долгих, мучительных раздумий и сомнений решил пролить скромный лучик света на все еще остающийся в потемках вопрос «кто виноват?». Подвигла меня на дерзкий шаг давняя неиссякаемая любовь к блистательному неповторимому футболисту и простому, доброму русскому парню, с которым, увы, не успел познакомиться.

Не стану ворошить подробностей той кошмарной трагической ночи с 25-го на 26 мая 1958 года, прибегать к материалам следствия, частично опубликованным в ряде изданий, хоть и знаком с ними в более обширном объеме.

Моя задача – сделать приоритетной одну из версий, занимающей в общем перечне довольно скромное место. Обосновать ее (для доказательства не хватает неопровержимых улик) намереваюсь посредством документов из высших сфер футбольного и физкультурного ведомств, информации людей посвященных, а также событий и фактов, из коих вытекает логический вывод о неизбежности, неотвратимости трагической развязки.

Началось все весной 1957 года на Черноморском побережье.

Одесса. Стадион «Пищевик»

Здесь 11 апреля 1957 года московское «Торпедо» встречалось в календарном матче недавно начавшегося чемпионата с минским «Спартакoм». Уже на 10-й минуте Стрельцов увенчал стремительный марш-бросок на вражеские позиции мощным орудийным залпом. Еще через 11 минут одесский судья Михаил Шляпин удалил центрфорварда с поля за опасную игру против соперника, успевшего за полтора тайма изрядно допечь торпедовца. Случай рядовой – привычная коммунальная бытовая склока, каких на футбольных полях немало. Пристального внимания начальства такие мелочи не привлекали, гласности не предавались, да и бузотеров особо не тревожили.

Мгновенная и необычайно бурная реакция на удаление в Одессе, последовавшая вслед за ней широкомасштабная антистрельцовская кампания с привлечением народных масс и неадекватных совершенному проступку карательных мер предполагают участие в акции невидимого режиссера. Раскрыть его имя не могу, расшифровать попытаюсь. Позже.

Заказчики, как и ныне, оставались вне пределов досягаемости. С исполнителями проще – воленс-неволенс, они оставляют на месте преступления вещественные доказательства.

Клич «Ату его!» исторгли средства массовой (в то время и в самом деле массовой – центральные газеты издавались миллионными тиражами) информации. В тщедушном отчете об одесском матче («Советский спорт» от 12 апреля 1957 года), озаглавленном «Это не герой матча», самой игре посвящено 7 строк, проступку футболиста – вдвое больше: «Гол, забитый Стрельцовым, решил исход встречи. Но можно ли назвать центрального нападающего торпедовцев, неоднократного участника сборной СССР, героем матча? Нет! Через 20 минут (по протоколу – через 11. – А.В.) заслуженный мастер спорта Эдуард Стрельцов позволил себе безобразный поступок – ударил спартаковца Артемова, нанеся ему серьезную травму. Хулиган был удален с поля. И этот возмутительный поступок испортил впечатление от матча».

Возмущающиеся трудящиеся

Тут же организуются письма возмущенных трудящихся. Скорость необыкновенная. Сразу после матча (по прочтении отчета в газете успеть было невозможно, разве что телеграммой-молнией) читатели-активисты дружно заскрипели перьями, и уже через неделю им дали возможность высказать многочисленным, бездеятельным, инертным своим собратьям все, что они думают о поступке олимпийского чемпиона. «Зрители увидели не футболиста высокого класса, а зазнавшегося барина, прогуливавшегося по полю в ожидании мяча, хулигана, попирающего нормы спортивного товарищества», – негодовал один из них. Оскорбительный для футболиста развязный тон автора отчета и читателей в несколько смягченной форме походил на возмущенный хор, изрыгавший поток брани в адрес подсудимых во время известных политических процессов 30-х годов.

Запущенная кем-то машина стремительно набирала обороты. В тот же день, сразу после игры, экстренно проводится собрание торпедовского коллектива, единодушно осудившее своего товарища. К чему такая спешка? Незапланированные собрания созывались в футбольных командах обычно по поводу ЧП союзного масштаба, к коим проступок Стрельцова никак не отнесешь. На следующий день, 12 апреля, от судьбы потребовали объяснительную записку, что тоже делалось в исключительных случаях (бесчинства зрителей, срыв матча, безобразное судейство, вызвавшее широкий общественный резонанс...).

Будет сделано!

Через несколько дней Секция футбола СССР (с 1959 года – Федерация футбола), организация в то время общественная, бессильная, не столько решавшая, сколько послушно исполнявшая распоряжения многочисленных начальников – от футбольноспортивных до партийных, исполнила работу киллера: лишила Стрельцова звания заслуженного мастера спорта, объявила ему строгий выговор и дисквалифицировала на три игры. Но очень скоро, уже 20 апреля, свое (?) решение изменила. Настало время ознакомить вас, пусть и в неполном объеме, с содержанием нескольких документов из Государственного архива Российской Федерации.

Содержание документа, включая примечания, наводит на мысль, что где-то вверху, возможно, почувствовав, что перегнули палку, решили чуть притормозить – звания пока не лишать. Успеется. Причем велено было пересмотреть решение настолько срочно, что не успели собрать людей. Четырех членов президиума, в том числе и председателя Секции футбола Валентина Гранаткина, к тому времени в Москве уже не было. Странно. Единогласно вынесли санкции, через пару дней договорились собраться вновь, а сами разбежались кто куда. Потому и ограничились устным (телефонным) опросом и так же дружно, единогласно отреклись от решения, принятого ими же пару дней тому назад.

23 апреля «Советский спорт» радостно оповестил читателей о решении Футбольной секции, выделив прописными буквами заголовок:

«Э. СТРЕЛЬЦОВ ДИСКВАЛИФИЦИРОВАН НА ТРИ ИГРЫ

Неспортивное поведение игрока московского „Торпедо“ Э. Стрельцова вызвало единодушное осуждение любителей футбола и спортивной общественности. Редакция „Советского спорта“ получила много писем читателей, обвиняющих Стрельцова в зазнайстве и высокомерии. Члены Всесоюзной секции футбола также осудили неспортивный поступок футболиста. Сам Стрельцов признал несовместимость его поступка с высоким званием советского спортсмена.

Всесоюзная секция футбола решила объявить Стрельцову строгий выговор и дисквалифицировать его на три игры».

Для определения соразмерности преступления и наказания необходимо воссоздать истинную картину произошедших на поле одесского стадиона событий: не по газетному же отчету или мнению читателей, подавляющее большинство которых и матча-

то не видело, делать выводы.

Обратимся к документам.

«ПРОТОКОЛ № 3

Общего собрания футбольной команды мастеров „Торпедо“ Москва.

11 апреля 1957 г.

Присутствовало 30 человек.

Докладчик тов. Водягин А. А. (начальник команды. – А.В.).

Суть дела: 11 апреля 1957 года в календарной встрече по футболу между командами „Торпедо“ Москва – „Спартак“ Минск игрок команды „Торпедо“ Стрельцов был удален с поля за проявленную грубость, выразившуюся в применении недозволенного приема (накладка). Считаю, что, несмотря на неоднократные грубые действия игроков команды „Спартак“ Минск по отношению к Стрельцову и Иванову, тов. Стрельцов не должен был отвечать грубостью, зная заранее, что мог быть удален с поля и тем самым поставить коллектив в трудное положение.

Грубость товарища Стрельцова должна быть осуждена коллективом и соответствующе наказана.

Стрельцов. Товарищи! Я прошу простить меня, что поступил неправильно. Я очень переживал, сидя на лавке... У меня было огромное желание играть, но с первых же минут и особенно после забитого гола меня стали силовать и бить по ногам... И я в этот момент пошел силой на игрока противника. Прошу дать мне возможность искупить свою вину...

Маслов (старший тренер. – А.В.). Готовясь к игре, мы предполагали, что противник особенно будет опекал Стрельцова и Иванова и что им придется играть в трудных условиях...

Заметно было, что после забитого гола Стрельцовым, противник... часто допускал недозволенные приемы. Однако Стрельцов... в одной из атак сам применил недозволенный прием, за что был удален с поля... Всем игрокам следует учесть проступок Стрельцова и в будущем не допускать подобных фактов.

Футболисты Медакин, Анисимов, Иванов выступили в том же русле и просили собрание дисквалифицировать Стрельцова на один матч условно, что и было зафиксировано в постановительной части:

1) Осудить неспортивное поведение тов. Стрельцова в данной игре и просить ДК Комитета по футболу дисквалифицировать на одну игру условно.

2) Игрокам команды сделать соответствующий вывод и в случае повторения такого проступка просить ДК Комитета по футболу о дисквалификации на более продолжительный срок.

Председатель собрания – А. Водягин Секретарь собрания –

По законам дружбы

Выходит, били Стрельцова с Ивановым. Стрельцов ответил, за что и был наказан. Может, руководители «Торпедо» и футболисты сгустили краски, чтобы смягчить товарищу наказание? Ничего подобного. Все так и было. Это подтвердил возникший неожиданно-негаданно через тридцать лет очевидец одесского матча – минчанин Николай Угланов. Он вспоминал о той игре летом 87-го на страницах «Советского спорта» в материале «Трудное счастье Эдуарда Стрельцова»: «Что со Стрельцовым на поле вытворяли защитники! Толкали, цепляли, хватали за трусы, били по ногам... Проиграл тогда „Спартак“. Единственный, но красивый гол ему забил все тот же Стрельцов: ох, как он обыграл двух защитников! А удар у него, сами знаете, был пушечный! Но спустя несколько минут допустил грубость – за товарища заступился, за Иванова. Того защитник „Спартака“ Артемов локтем под дых ударил. Можно сказать, буквально нокаутировал. Ну а Стрельцов возьми да ответь Артемову... После этого случая его на три игры дисквалифицировали».

Ай-да болельщик! Все видел, все помнил, все знал. А ведь и в самом деле Стрельцов за товарища заступился. Через два года, в 89-м, Валентин Иванов подтвердил рассказ минчанина в беседе с корреспондентом журнала «Спортивные игры» почти в тех же выражениях: «Был там один защитник, фамилии даже не вспомню, который так меня допекал с первых же минут, что, как говорится, хоть стой, хоть падай – бил по ногам без всякого зазрения совести. Боролись за верховой мяч, и он буквально нокаутировал меня, ударив локтем в солнечное сплетение. Подходит Эдик, а я не то что привстать – воздуха глотнуть не могу. Он посмотрел на меня и отошел. А через минуту-другую Эдика судья удалил с поля. Стрельцов, который никогда не грубил на поле, по-своему расплатился с хулиганом его же способом. Геройство? Нет, конечно... Он вступился за товарища, не за себя. Стрельцов, когда ему втыкали, как у нас говорят, по обеим, не отвечал. А тут – за товарища... Закон дружбы был для него свят...»

Взгляд сквозь темные очки

Свой взгляд на вещи изложил в объяснительной записке на имя начальства арбитр Шляпин: «На 14-й минуте первой половины игры между командами „Торпедо“ Москва – „Спартак“ Минск за нетактичное поведение, выразившееся в замахе на игрока № 3 „Спартака“ т. Иванова (однофамилец торпедовца Валентина Иванова. – А.В.), мной был предупрежден игрок № 9 „Торпедо“ т. Стрельцов.

На 21-й минуте этой половины игры Стрельцов был удален с поля, причиной удаления было следующее: Стрельцов, идя с мячом в центр поля и видя, что его пытается атаковать игрок № 5 „Спартака“ Артемов, пустил ногу поверх мяча на колено Артемова. В результате чего Артемов получил травму колена...

В перерыве я зашел в комнату врача, где Артемову оказывалась медицинская помощь, и выяснил, что у Артемова ушиб колена со ссадинами от шипов».

Объективности ради судье следовало рассказать и о художествах минских защитников, но тогда пришлось бы объяснять причину своего бездействия. К чему головная боль. Так истинные насильники предстали жертвами. И наоборот.

Протоколы собрания торпедовского коллектива, объяснительная записка Шляпина и заявление Стрельцова, в котором он, не отрицая своей вины, просил оградить себя в будущем от грубых и провокационных действий защитников, легли на стол футбольных руководителей. Об их вердикте вы знаете.

Так справедливо ли был наказан Стрельцов? Если рассматривать его проступок изолированно, вне контекста времени, гуманного, доброго, либерального к заплочных дел мастерам, профессионально делавшим свое черное дело, – вполне. Шляпин, каравший в тот день избирательно, если только усмотрел в действиях Стрельцова в игровом единоборстве с Артемовым злой умысел, обязан был его изгнать. Вопросов нет. Не может быть претензий и к властям, соответственно отреагировавшим на объяснения арбитра. Впрочем, за преднамеренную грубость, повлекшую за собой травму футболиста, можно было наказать и строже. Все это так, если бы только руководители были последовательны и принципиальны всегда и во всех случаях. А случаев аналогичных было немало. Увы и ах. Реальная картина слишком далека от идеальной.

Почивающая Фемида

Я проанализировал все удаления в классе «А» и реакцию на них компетентных футбольных органов за период с 1954-го по 1958 год – пятилетие, совпавшее с первым периодом футбольной деятельности и творчества Эдуарда Стрельцова. За это время судьи изгнали 45 футболистов. Нарушений, превышавших по степени тяжести Стрельцовское, я насчитал 28. Что ни говори, формально Стрельцов сфолил в борьбе за мяч. Подобных стыков лицом к лицу в каждом матче видимо-невидимо, судьи относятся к ним с пониманием (футбол – не балет), порой штрафуют, еще реже прикладывают «горчичник», удаляют в исключительных случаях. Другое дело руко(ного)прикладство в неигровой обстановке, или, как пишут арбитры в протоколах, «после остановки игры». Такие действия и футбольный и процессуальный кодекс квалифицируют как хулиганские. Их-то за пять лет набралось около трех десятков. Вру, значительно больше: 28 раз за это удаляли. Как часто прощали – знать не дано. Нарушения вопиющие, бесчеловечные, среди них и «удар в лицо головой», и «удар кулаком в лицо, пошла кровь», и «умышленная грубость, соперник потерял сознание», и многое другое в том же роде. Реакция СМИ и властей на все эти варварские действия такова:

1) В одиннадцати случаях центральные газеты, включая «Советский спорт», об этих безобразиях даже не упоминали, будто их и вовсе не было.

2) В пятнадцати – информация подавалась на уровне констатации факта: «С такой-то минуты из-за удаления Х команда осталась в меньшинстве». Или: «За грубость был удален с поля (вариант – судья вынужден был удалить с поля) имярек». Только двум потасовкам с участием игроков сборной СССР было уделено несколько строк.

3) Никого из хулиганов хулиганами не назвали.

4) Фемида, обрушившая свой гнев на торпедовского центрфорварда, пребывала в течение пяти лет в состоянии летаргического сна: 12 злостных нарушений из 28 остались безнаказанными – без дисквалификации! 11 футболистов дисквалифицировали на одну игру, четверых – на две и только одного, в кровь разбившего головой лицо соперника, – на три матча.

Во всех случаях дела рассматривала дисциплинарная комиссия (ДК). Только Стрельцовым занималась футбольная секция. Можете представить, чтобы делом о скандале на бытовой

почве, тянувшем на небольшой денежный штраф, максимум – на 15 суток общественно-полезных работ, занимался бы Верховный суд СССР?

5) Экстренных собраний команд не созывали.

6) От судей объяснительных записок не требовали.

7) Общественность не будоражили, подписчики писем не писали, во всяком случае их не публиковали.

Забавную историю рассказал на совещании тренеров и начальников команд, посвященном «мерам по улучшению воспитательной работы», известный в те годы тренер Олег Ошейков. Одного футболиста, разбившего в кровь лицо соперника, решили крепко наказать. И наказали, дисквалифицировав... на один матч. Через две недели игру его стали расхваливать в печати, затем наградили орденом и присвоили престижное спортивное звание. А летом 57-го перед отборочным матчем чемпионата мира включили в состав сборной.

Да что тут толковать. И в очерченный нами пятилетний период, и до него и после, отцы советского футбола проявляли нежные родительские чувства к шаловливым своим чадам. Отчего же как с пасынком обошлись со Стрельцовым? Может, пострадал он от необузданного минутного гнева начальства? Или стал случайной жертвой объявленной 11 апреля краткосрочной кампании «Неделя борьбы за чистоту советского футбола»? Ни то, ни другое.

Анализ и сопоставление перечисленных событий и фактов сомнений в предвзятом отношении к Стрельцову не оставляют. Центрфорвард «Торпедо» и сборной Союза оказался под колпаком.

Год 1956-й. Еще в фаворе

А ведь совсем недавно сильные мира сего души в нем не чаяли, а на отнюдь не детские шалости и вовсе внимания не обращали. Стрельцова били на поле постоянно, жестоко, били открыто и подло, исподтишка. Таков удел великих и неудержимых. Недостатка в посредственностях, легко, без зазрения совести жертвовавших ногами и здоровьем ближнего ради сохранности собственных ворот, футбол никогда не испытывал.

Знавшие Стрельцова, игравшие с ним говорили о добром нраве, добродушии, незлобивом его характере. По собственной инициативе он никогда не грубил, хамство и жестокость со стороны сносил долго и терпеливо, но если уж допекут...

Стрельцов не бил исподтишка. Гнев свой выражал хоть и грубо, но открыто. В его действиях, внешне неприглядных, содержались месть обидчикам и одновременно укор судьям, вынуждавшим к самообороне.

Перед вами три записи из протоколов 1956 года, сделанных судьями в разделе «Предупреждения». Все три касаются Эдуарда Стрельцова:

1. Москва. Игра с кишиневским «Буревестником»: «За удар соперника (лежащего) ногой»;

2. После игры в Свердловске с ОДО: «За умышленное наступление (так в протоколе. – А. В.) на ногу соперника»;

3. Москва. Игра с ЦДСА: «За удар по ногам без мяча».

Проступки сами по себе недостойные и заслуживали строжайших санкций. Ничуть не бывало – во всех трех случаях судьи ограничивались предупреждением. А ведь проступки были похлеще одесского. Но пресса молчала, молчали начальники, мимо внимания которых не ускользала ни одна протокольная запись. И мнением трудящихся по этому поводу никто не соизволил поинтересоваться. Других за такие вещи и с поля гнали. Отчего так резко изменилось отношение к форварду в 57-м? Пока мы только задаемся этим вопросом. В следующий раз попытаемся на него ответить.

Кто дозволил жениться?

Приняла пресса Стрельцова сдержанно, похвалы расточала умеренно из соображений педагогических: как бы не в меру одаренное дитя носик кверху не задрало. Да и не принято было. Цветистые эпитеты, которыми ныне награждают середнячков (они в 50-е и в заурядных командах в основу не всегда бы попадали), тогда и поистине мастеровитым и именитым не доставались. Идеология была другая: единица сама по себе ничто, сила – в коллективе.

Со временем сдерживать эмоции при описании стрельцовских ратных подвигов становилось все труднее. А в 56-м в отчете об игре «Торпедо» – «Динамо» произошел прорыв – Стрельцова назвали футболистом божьей милостью. Похвала высшей пробы безотносительно времени. И тут же, словно спохватившись, поведали о его недостатках.

В 57-м, забивал он тогда много и красиво, наступило охлаждение. А на чиновных собраниях и совещаниях перышки ему чистили с удовольствием – по делу и просто так. Вот какой перл выдал начальник Управления футбола Антипенков после игры сборной с румынами, когда, казалось, и придраться уже не к чему: «Мы узнаем о том, что перед этой ответственной игрой (матч-то был товарищеский. – А.В.) Стрельцов женился. Это говорит о слабой воспитательной работе в команде „Торпедо“». Тут, как говорил Валентин Козьмич, хоть стой, хоть падай. Кстати, молодожен в том матче невероятный гол забил с лицевой ленточки – и сборную от неприятных собеседований уберег.

В Европу прорубил окно

Год был необычный, чрезвычайно ответственный – впервые советская сборная примерила себя к мировому уровню. Предстоял игровой отбор в матчах с финнами и поляками.

Призвали и Стрельцова – выполнить священный долг перед родиной. Сборную без него представить было трудно. Службу он нес исправно, стрелял отлично: шесть попаданий в шести играх – трех товарищеских и трех отборочных. Но в Хожуве с поляками вышла осечка. Пришлось ехать в нейтральный Лейпциг – на перестрелку. Если хотите – «стрелку». Недели за две до решающего матча и в день отъезда в Лейпциг Стрельцов влип в весьма неприятную историю. Глаза на нее закрыли, но в банк данных, в раздел «компромат», занесли, чтобы извлечь по первому требованию. Пока трогать не стали. Он – хоть и травмированный – был нужен для выполнения важного государственного задания.

Травма, полученная в календарном матче, оказалась нехоти (кстати она никогда не бывает). Однако раненый воин доказал, что не зря носит такую звучную фамилию.

Поляки не лыком шиты – понимали, кого убирать и как. Тянуть не стали, и уже на пятой минуте польский Малюта Скуратов исполнил работу доброту, со знанием дела, рубанув что есть мочи по больной стрельцовой ноге. Замены тогда не практиковались. Центрфорвард после оказания экстренной медицинской помощи приковылял на поле и, улучив момент, ухнул, по-стрельцовски, – дулетом от штанги в угол. И второй гол организовал – тонко вывел на чистую позицию Федосова, тому только в ворота попасть оставалось. Попал – 2:0. Так и обыграл Стрелец поляков – на одной ноге.

Мавр сделал свое дело. Мавр мог уходить? Так оно и вышло. Сквозь прорубленное Стрельцовым окно в Швецию сборная летом 58-го впервые проникла на мировой футбольный праздник. А наш герой двинулся в направлении прямо противоположном – на лесоповал. Не по комсомольской путевке, разумеется. Человек, проливший за родину кровь (в прямом смысле слова) на поле брани, был сослан в места не столь отдаленные. Пример в истории истерзанной страны не единственный.

Вывод из всего здесь изложенного однозначный: шумная антистрельцовская кампания, развязанная весной 57-го, по поводу, внешне пустячному, – явление по тем временам исключительное, чрезвычайное. И не случайное. Дальнейший ход событий, надолго прервавший карьеру уникального футболиста,

еще более утвердит в этом мнении.

9 ноября 1957 года

В ночь с 8-го на 9-е ноября Стрельцов попал в историю, обернувшуюся для него впоследствии большими неприятностями. Футболист был представлен в неприглядном свете: утверждали, что он кого-то избил, а потом... Что было потом, не без удовольствия живописали в фельетоне «Еще раз о „звездной болезни“» («Комсомольская правда» от 22.06.58) Н. Фомичев и И. Шатуновский: «На Колхозной площади среди ночи ему втемяшилась в голову блажь: он ворвался в незнакомую квартиру, перепугал спящих жильцов и принялся с ожесточением бить посуду. Хулигана доставили в милицию». Рассказывали еще, что Стрельцов взламывал дверь в квартиру и оскорблял подъехавшую к месту происшествия милицию.

Как-то армянское радио, очень популярное в стране и за ее рубежами, спросили: правда, что Карапет выиграл по лотерейному билету 100 тысяч рублей? Радио ответило: «Правда. Только не 100 тысяч, а 500 тысяч, и не Карапет, а Самвел, и не в лотерею, а в карты, и не выиграл, а проиграл». Истинная правда, исключая несущественные детали.

Нечто подобное случилось и со Стрельцовым. Инцидент произошел не на Колхозной площади, а на Крутицком валу. Посуду он не бил, и вообще бил не Стрельцов, а Стрельцова. По словам знакомой форварда Галины Чупаленковой, свидетельницы событий, к Стрельцову привязался подвыпивший молодой человек, после небольшой словесной перепалки ударил его кулаком в лицо и убежал. Центральный нападающий, находившийся в ту ночь «не в форме», беглеца не догнал. В поисках его вбежал в квартиру (по указанию Чупаленковой) полуподвального помещения. Сохранился протокол места происшествия: «...при осмотре было обнаружено, что дверь, ведущая в комнату, верхняя филенка фанерная, в правом углу примерно 20×20 см выгнута внутрь комнаты. На кастрюле, которая стоит на газовой плите, лежит крышка, выгнутая в наружную сторону. Других взломов и повреждений никаких не обнаружено». Акт подписали оперуполномоченный 93-го отделения милиции г. Москвы Степанов и хозяин квартиры Иван Леонтьевич Спицын.

На месте происшествия и по пути в отделение Стрельцов «критиковал» милицию. Берегушим наш покой не понравилось, что не в изысканно дипломатических выражениях. Это правда. Но было за что. Вместо того чтобы искать правонарушителя (он, видимо, и в самом деле скрывался в этой квартире), они везли в

кутузку потерпевшего. То, что Стрельцов и в самом деле оказался потерпевшим, подтвердили и жильцы квартиры, и сами милиционеры: по их показаниям, на окровавленном лице Стрельцова видны были следы побоев. Материалы дела содержатся в книге Эдварда Максимовского «Кто заказал Эдуарда Стрельцова?»

Обычная уличная сцена, каких в Москве, особенно в праздничные дни, немало. Дело закрыли, хоть виновник и не был обнаружен. Стороны разошлись полюбовно. Семье Спицыных компенсировали материальный (уж не знаю, во сколько оценили крышку кастрюли и фанерную филенку) и моральный ущерб.

Пусть вас не удивляет, что о деле, не стоящем и яйца выеденного, я так долго распространялся. Оно было настолько пустячным, что даже в фельетоне с пристрастием Семена Нариньяни не нашлось ему места. Рассказал я вам эту историю неспроста. Дела у нас, даже пустячные, не закрываются, а только прикрываются – до первого востребования. Чутье Нариньяни обмануло, и он не без удовольствия смаковал иную историю, случившуюся через несколько дней.

17 ноября 1958 года

В этот день сборная СССР отправлялась с Белорусского вокзала в Лейпциг на решающую схватку с поляками.

Стрельцов с Ивановым к поезду опоздали. Близкий к инфаркту Антипенко, провожавший сборную, едва толкнул друзей в такси, бросился обзванивать железнодорожное начальство со слезной просьбой выполнить невыполнимое – остановить международный состав. Министр путей сообщения, страстный болельщик футбола, на свой страх и риск велел сбавить скорость в Можайске, куда поспело такси с преследователями. Все обошлось как нельзя лучше – и в советском Можайске, и в немецком Лейпциге, где Стрельцов, герой матча, решил главную задачу футбольного сезона. История известная. О причинах опоздания Валентин Иванов делился с автором этих строк («Футбол» № 48 за 1994 год), а об истинном виновнике происшествия еще ранее Иванов рассказал корреспонденту спортивного журнала («Спортивные игры» № 9, 1989 год): «...даже когда другие признавались в нарушении дисциплины, скажем, на сборах (я уже тренером тогда был), Эдик всю вину брал только на себя. Мне уже приходилось вспоминать злополучный эпизод с опозданием на экспресс Москва – Берлин. Виноватым-то был я, но Эдик ни разу ни мне, ни другим не попенял, не вспоминал об этом ни словом, ни намеком».

По горячим следам эту историю, ввиду чрезвычайных заслуг Стрельцова перед советским футболом, не поминали. Только через два месяца, сразу после распоряжения о новой публичной порке Стрельцова, она была предана гласности.

В обеих только что услышанных вами историях вины Стрельцова не было. В отличие от той, что случилась позже.

26 января 1958 года

За несколько дней до поездки национальной команды на тренировочный сбор в тогда еще дружественный (и даже братский) Китай Стрельцов легкомысленно, беспечно дал в руки своим недоброжелателям крупную козырную карту. В тот вечер он в состоянии нарушения режима вступил возле вестибюля станции метро «Динамо» в конфликт с представителями правоохранительных органов, не пускавших его в подземелье, и тут же угодил в их владения. Его действия были расценены как мелкое хулиганство. Решением народного суда Ленинградского района столицы ведущего форварда сборной приговорили к трем суткам ареста и уже 29 января отпустили на все четыре стороны. Только легче ему от этого не стало.

Дальнейшие события разворачивались стремительно по отработанной весной 1957 года схеме. Собрания команд «Торпедо» и сборной СССР единодушно осудили поведение своего товарища и обратились в вышестоящую футбольную инстанцию с просьбой утвердить принятые ими решения. 4 февраля Президиум секции футбола СССР просьбу обоих коллективов удовлетворил, в чем вы можете, не сходя с места, убедиться, ознакомившись с исполненным по всем канонам чиновничье-бюрократической системы протоколом заседания футбольных руководителей:

«Слушали:

„О недостойном поведении игрока футбольной команды „Торпедо“ ЗИЛ Э. Стрельцова“ (докладчик В. Гранаткин).

Постановили:

а) согласиться с решением общего собрания сборной команды Советского Союза и „Торпедо“ о снятии с Э. Стрельцова звания заслуженного мастера спорта и решением общего собрания сборной команды СССР о выводе Стрельцова из состава сборной команды СССР за поведение, порочащее советского спортсмена;

б) просить Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР снять с Э. Стрельцова звание заслуженного мастера спорта и вывести его из сборной команды СССР по футболу».

В тесном промежутке между собранием сборной и заседанием президиума (2 февраля) и родилось упомянутое нами творение Семена Нариньяни, спеца по заказным фельетонам, который представил в «Комсомолке» очередной опус под названием «Звездная болезнь», главным героем которого вывел опального форварда.

Все эти мероприятия провернули в течение пяти дней. Еще через две недели Николай Романов, глава Всесоюзного комитета физкультуры, внял просьбам товарищей из футбольной секции. С заключительными строками подписанного им приказа № 53 от 18 февраля 1958 года «О футболисте московской команды „Торпедо“ Стрельцове Э. А.» незамедлительно вас ознакомлю.

Сборная опровергает

Не могу оставить без внимания, мягко говоря, неточность в пунктах а) и б) обоих документов, а также в фельетоне, автор которого, посетив собрание советской команды (там он нагнетал страсти, зачитывая письма возмущенных читателей), уверял миллионы людей в том, что «футболисты вынесли единодушное решение – вывести Стрельцова из состава сборной команды страны».

Если, отбросив деликатность, назвать вещи своими именами, все это откровенная ложь. В действительности вопрос об отлучении Стрельцова от сборной решался не народными массами, а их «слугами». Ведать не ведали ни руководители футбольной секции, ни физкультурный босс, ни фельетонист, что обрушившиеся через тридцать лет на страну перестроечные бури сорвут железные засовы с множества архивов и спецхранов и обнажат залежи прелюбопытнейших документов. В их числе и протокол собрания сборной команды СССР.

На собрании, чтобы ввести его в нужное русло и поручить искомый результат, присутствовал Д. Постников, первый зам. Романова. Начальник сборной – Владимир Мошкаркин – ввел собравшихся в курс дела и передал слово «подсудимому». Стрельцов сказал все, что принято говорить в таких случаях. После чего выступили тренер сборной Качалин и футболисты. Чтобы не утомлять читателя, обращу внимание только на заключительные слова выступавших.

Гавриил Качалин: «Виноваты мы в том, что не пресекли твоего поведения... Хочется верить, что ты станешь человеком. Прошу принять предложение о снятии змс, просить о понижении зарплаты и дать время для исправления».

Лев Яшин: «Поддерживаю предложение о снятии змс и о снижении зарплаты».

Никита Симонян: «Поддерживаю ранее выступавших товарищей о снятии звания и снижении зарплаты».

С подобными предложениями выступили также Михаил Огоньков, Генрих Федосов, Константин Крижевский, Борис Кузнецов... Только два футболиста настаивали на исключении Стрельцова из сборной. Такой расклад Постникова не устраивал, и перед голосованием он обратился к собранию: «Мы умышленно не принимали решения, давая тем самым коллективу возможность вынести решение о его недостойном поведении... Мне понравились выступления некоторых товарищей (не тех ли двух? – А.В.). Вопрос стоит вообще о дисквалификации и об

отстранении от футбола. Большое сомнение в его исправлении. Пусть решает коллектив... Те пожелания и решения, которые высказали члены сборной, будут доведены до сведения Комитета».

Футболисты понимали, куда клонит большой начальник, и все же на поводу у него не пошли. Вопрос о выводе Стрельцова из состава сборной не прошел, а речь о дисквалификации и тем более об отстранении от футбола и вовсе не шла. В чем нетрудно убедиться, ознакомившись с итогами голосования.

«Решение собрания сборной футбольной команды СССР:

1. Снять с т. Стрельцова звание заслуженного мастера спорта.

2. Снять стипендию.

Решение принято единогласно.

Председатель – Н. Симонян

Секретарь – (подпись неразборчива)».

1 февраля сборная СССР в составе 27 человек (Стрельцова среди них не было) встретила с любителями футбола, а на следующий День без своего центрфорварда вылетела в Китай. Выходит, Стрельцов оказался вне команды еще за два дня до постановления Секции Футбола и за полмесяца (!) до романовского приказа. Из этого следует, что решение о выводе Стрельцова из сборной принималось не только вопреки воле коллектива, но и желанию... самого Романова. На следующий день после ареста Стрельцова Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта СССР просит суд освободить Стрельцова в связи с его отъездом в составе сборной команды СССР в Китай на тренировочный сбор перед ответственным международным турниром. Суд пошел навстречу просьбе Комитета, о чем свидетельствуют заключительные строки приговора: «Принимая во внимание, что он (Стрельцов. – А.В.) уезжает с командой, суд считает возможным применить к нему минимальную меру наказания». Старания Комитета оказались напрасными. Решение о выводе Стрельцова из сборной принималось в более высоких кабинетах, и уже задним числом Николай Романов подписывает угодный кому-то приказ, ссылаясь на несуществующую просьбу коллектива. Вопрос об истинном инициаторе исключения Стрельцова из сборной повисает в воздухе.

Чуть что, так косой

Было бы нелепо подвергать сомнению необходимость строгих мер в отношении нападающего «Торпедо» и сборной, совершившего серьезный проступок. Речь о другом – почему опять наказали одного Стрельцова?

Нарушали режим (попросту выпивали) во второй половине пятидесятых (зadolго до и далеко после) практически во всех командах – где-то больше, где-то меньше. Хватало и всяких неприглядных историй, в кои вляпывались вкусившие даров Бахуса.

Возвращаясь домой после календарной игры, группа футболистов устроила в поезде грандиозную попойку, завершившуюся мордобоем. Пострадали пассажиры и пытавшийся утихомирить дебоширов проводник. Игроки этой команды на протяжении всего сезона неоднократно уличались в пьянстве и всяких неблагоприятных поступках, классифицируемых как хулиганские. И каждый раз отделялись выговором – от простого до выговора с последним предупреждением. Затем все начиналось по новой. Когда терпение тренера иссякло, он обратился в центральный республиканский совет с просьбой избавить от пьянчуг, разлагавших коллектив. Там ему сказали: «Может быть, лучше вас убрать, они все-таки играют». Убрали тренера. Весьма известного и авторитетного. А одного из дебоширов с самой богатой коллекцией выговоров и, соответственно, хулиганских деяний, ввели в состав сборной СССР. Он участвовал в отборочном матче чемпионата мира, в феврале вылетел с командой в Китай, в июне – в Швецию. Стрельцов же оставался дома.

Подобными историями (некоторые из них тянули на криминальные) полна биография многих, очень многих команд. Имена футболистов, среди которых люди известные, заслуженные мастера спорта, не называю, суть не в этом. В газетах об их похождениях не писали, Футбольные и физкультурные начальники, хоть и были в курсе, никак на эти безобразия не реагировали, постановлений не выносили и приказов не подписывали. Откуда мне удалось извлечь эти истории? Из архива РФ. Советую любителям приключенческой литературы пролистать дневники команд класса «А» за вторую половину 50-х годов.

Впрочем, об одном скандальном случае осенью 58-го, уже после того, как посадили Стрельцова, рассказал «Советский спорт». Известный вратарь очень популярной команды, находясь

под высоким градусом, остановил такси и потребовал от шофера мчать к цели на не дозволенной правилами скорости. Тот не подчинился. Спортсмен обрушил на него поток нецензурной брани и грозил расправой. Когда таксист, заметив милиционера, подъехал к нему и обратился за помощью, вратарь обматерил стража, находившегося при исполнении, и сорвал с него погоню. Футболиста доставили в милицию, но вскоре он был отпущен восвояси, хотя должен был схлопотать солидный срок, так как действия его подпадали под уголовные.

Случай этот, несмотря на широкую огласку, тоже не заинтересовал ни футбольных, ни физкультурных руководителей. И читатели, всегда живо реагиовавшие на малейшие телодвижения Стрельцова, проявили на сей раз не присущую им пассивность. Финал истории таков: вратаря вернули коллективу на перевоспитание, а Всесоюзный совет общества, которое он представлял, объявил ему выговор с предупреждением.

Мишеней, как видите, предостаточно, свалить можно любую. Было бы желание. Палили по одной.

Какова цена салата

Центральный нападающий продолжал оставаться в центре внимания спортивных деятелей и на открывшемся 20 февраля пленуме Секции футбола, где его имя склонялось неоднократно в уничижительно-оскорбительном контексте. Предпринимались и неуклюжие попытки объяснить случившееся. Неописуемый восторг у аудитории вызвал «диагноз», поставленный депутатом из Ленинграда: «Известно, что была диспропорция в заработной плате между высококвалифицированными рабочими в промышленности и руководителями. Партия поправила это дело и правильно сделала. А тут Стрельцов в Мельбурне выиграл, и дали ему золотом десять тысяч рублей, машину и так далее. Это вскружило ему голову. Надо поощрять, но не такими солидными кушами, которые дают возможность есть салат за тысячу двести рублей».

Идея ясна: все беды исходят от нарушения святая святых – уравниловки. Стоит воздать кому-то по заслугам – хлопот не оберешься. Мне ничего неизвестно относительно денежных сумм в золоте, автомобиле, а тем более «и так далее». Знаю только, что уровень жизни футболистов ведущих клубов был значительно выше уровня жизни среднего советского труженика (сейчас диспропорция куда контрастнее). Стрельцов, живший в детстве впроголодь, не воровал и потому имел право распоряжаться добытыми потом и кровью средствами, как ему заблагорассудится – мог есть где угодно и что угодно.

Что же касается цены салата, имеются серьезные расхождения. Этот предмет живо интересовал и фельетониста. По его сведениям, салат обошелся Стрельцову в 87 рублей 50 копеек (после денежной реформы 1961 года – 8 рублей 75 копеек).

Человеку, наверняка считавшему себя культурным и образованным, не мешало бы знать, что бестактно заглядывать в чужой кошелек и тарелку и цинично делиться своими соображениями на сей счет с многомиллионной страной.

Впечатлила еще одна фраза, произнесенная делегатом из Ленинграда: «Таких Стрельцовых мы можем найти и в Ленинграде, и в других городах». Результаты поисков, продолжающихся несколько десятилетий, известны.

Не позавидуешь оказавшемуся между молотом и наковальней небезызвестному Валентину Порфирьевичу Антипенку. Зная, откуда ветер дует, он обязан был подстраивать под него паруса возглавляемого им футбольного судна. Вместе с тем, как главный футбольный начальник, он не мог не понимать, что отсутствие

Стрельцова значительно ослабит сборную и снизит ее шансы при выполнении высокой задачи – и тогда секир-башка (так и случилось: после проигрыша сборной в 1/4 финала ЧМ из-под Антипенка привычным пинком вышибли удобное, теплое начальственное кресло). Потому-то на февральском пленуме он одной рукой стучал по столу и грозил опальному форварду пальчиком («На последнем заседании Комитета было ясно сказано – Стрельцова до сборной команды в 1958 году не допускать вообще... И сейчас поставлена задача перед руководством команды, которая проводит сбор в Китае, чтобы она серьезно решила вопрос о составе команды, не рассчитывая на Стрельцова»), другой – подал форварду на подпись готовый текст заявления (осознал, мол, каюсь, больше не буду, в последний раз и прочее), чтобы вновь разрешили ему воссоединиться со сборной. Покаяние Стрельцова весной 58-го опубликовала «Комсомольская правда».

Времени было в обрез. Последний срок расширенной заявки на 40 человек истекал в конце апреля. Успели. В последний момент. Вычеркнули из готовой к отправке заявки фамилию одного футболиста и внесли в нее Стрельцова, который, несмотря на все передраги, серьезно готовился к мировому чемпионату. Видимо, не сомневался, что посетит Швецию. Был он в отличной форме, забивал много: и за клуб (5 мячей в первых турах чемпионата), и в сборной – 4 мяча в трех контрольных встречах.

Семи коротких зимних дней не хватило центральному нападающему, чтобы отправиться с командой в Китай. Всего лишь четырех весенних – чтобы попасть на первый в жизни мировой чемпионат. Неизбежно надвигался самый страшный день в недолгой его жизни.

26 мая 1958 года

Эта трагическая история, как и судебное дело Стрельцова, в мельчайших деталях описана в книге заслуженного юриста России Андрея Сухомлинова – «Трагедия великого футболиста» и уже названной Эдварда Максимовского. Схематично события развивались так. 25 мая офицер советской армии Эдуард Караханов, знакомый Бориса Татушина, пригласил Стрельцова, Огонькова и Татушина в поселок Правда на свою дачу. По дороге Стрельцову и Огонькову представили двух девушек – Марину и Тамару. Тамара, судя по материалам следственного дела и допросам свидетелей, предназначалась Стрельцову. Но Марина с самого момента знакомства навязала центрфорварду такой жесткий прессинг, что подступить к нему было невозможно. И даже выдавший виды нападающий не мог от него освободиться. Вероятно, не очень к тому и стремился. Как бы то ни было, ближе к ночи после обильных возлияний Стрельцов и Марина (добровольно, без принуждения) направились в отведенную им комнату и легли в постель. Через какое-то время (это очень важно) в той же комнате возле ложа, на полу, расположился Эдуард Караханов. Огоньков с Тамарой остались в машине, а Татушин со своей девушкой Инной покинули дачу.

На следующее утро на стол прокурора Мытищинского района легло заявление от Марины Л.:

«25-го мая 1958 г. на даче, которая находится в поселке Правда, напротив школы, я была изнасилована Стрельцовым Эдуардом. Прошу привлечь его к ответственности.

26/V-58 г.

Л...»

Аналогичное заявление последовало и от девушки Огонькова – Тамары.

В тот же день прибывший на тренировочную базу сборной СССР милицейский наряд препроводил Стрельцова, Татушина и Огонькова в Бутырку. Татушина вскоре отпустили.

27 мая физкультуркомитет, не дождавшись начала следствия и решения суда (видимо, не сомневался в его результатах), поспешил отречься от Стрельцова, дисквалифицировав его пожизненно.

В течение трех последующих дней прокурор Мытищинского района получает от тех же лиц еще два заявления. 27 мая от Тамары:

«Прошу считать мое заявление, поданное Вам 26.05.1958 г., об изнасиловании меня гр. Огоньковым неправильным. В

действительности изнасилования не было, а заявление я подала не подумав, за что прошу меня извинить».

30 мая – от Марины:

«Прошу прекратить уголовное дело в отношении Стрельцова Эдуарда Анатольевича, т. к. я ему прощаю».

28 мая Огонькова освобождают, и дело против него прекращают. Стрельцов остается в неволе. Юридически заявление Марины оформлено неправильно. Слово «прощаю» означало признание факта изнасилования. Куда только глядел адвокат? Не поздно еще было ошибку поправить. Но девушку запугали, предупредив, что в случае дачи ложных показаний она из потерпевшей превратится в обвиняемую. Марина берет второе заявление обратно. И дело Стрельцова завертелось со скоростью необыкновенной.

Суд скорый и неправый

Дело Стрельцова шили в спешке грубыми белыми нитками, словно работу выполняла не опытная швея, а посетительница курсов кройки и шитья. Эстетическая сторона никого не интересовала, главное – вовремя выполнить заказ. Таково единодушное мнение профессиональных юристов.

В деле Стрельцова множество нарушений. Привожу отрывок из книги Сухомлинова: «Копии протоколов обысков и выемок никому не вручались, вещественные доказательства в присутствии понятых при их изъятии не упаковывались и не опечатывались.

Неясно, как появились образцы крови и слюны Стрельцова на биологической экспертизе, протокол изъятия образцов для сравнительного исследования отсутствует, а в акте экспертизы указано, что их принес в портфеле (?) следователь Маркво из Бутырской тюрьмы, а как их там получили и хранили, остается только догадываться. Эксперты не предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний... и т. д. и т. п. И наконец: представьте себе, что Стрельцов заявил бы:

– ...Я ударил ее, а потом... отвернулся и заснул, а изнасиловал ее, видимо, поднявшийся с пола Караханов, вот и кровь его на ее одежде имеется.

Караханов по причине опьянения ничего не помнит. Потерпевшая, как она утверждает, без сознания была, то есть тоже ничего не помнит. Кровь Караханова по типу и группе совпадает с кровью, обнаруженной на одежде потерпевшей...

Порой меня, признаться, одолевают смутные сомнения: а может быть, так оно и было? Не случайно же в конце жизни Стрельцов сказал матери и сыну Игорю, что не ему надо было бы сидеть за все это.»

Такие же сомнения одолевают не только Сухомлинова.

«За что?»

Люди, ломавшие судьбу Стрельцова, переусердствовали в стремлении выполнить заказ: им недостаточно было сфальсифицированного, по утверждению специалистов, дела об изнасиловании, так добавили к нему еще и то, ноябрьское, прекращенное.

21 июля Стрельцову исполнился 21 год. Через три дня ему справили подарок: приговорили к 12 годам лишения свободы – 9 лет он получил за недоказанное преступление и еще 3 – за несовершеннолетнее. Подпись под приговором поставили председательствующий на суде Гусев и народные заседатели – Спасская и Попова.

Приведу несколько строк из посвященной Стрельцову книги Александра Нилина «Вижу поле»: «А ты вот всего лишь и спросил – спросил один-единственный раз, совсем незадолго до того, как лечь сюда, спросил – и без всякой злобы, а только с искренним удивлением как бы всех нас спросил: „...за что?“»

Юристы и журналисты, вплотную занимающиеся делом Стрельцова, выдвигают различные версии об истинном виновнике постигшего его несчастья. Едины они в том, что инициатива исходила из очень высоких правящих сфер.

10 августа 2000 года журналисты «Вечерней Москвы» Вадим Лебедев и Анна Соколова поделились на страницах газеты результатами исследований дела Стрельцова. Они представили несколько версий, которые в той или иной мере рассматривались и другими исследователями. С уважением относясь к авторам, не претендуя на безупречность, безусловность и категоричность выводов (истина пока никому не подвластна), позволю себе рассмотреть степень вероятности приведенных на страницах газеты версий.

Версии национальной касаться не стану – и самим авторам она кажется неправдоподобной, в чем я с ними полностью солидарен.

Стрельцов был наказан партией?

Суть этой версии такова. Роскошная жизнь именитых спортсменов, особенно футболистов, на фоне довольно скромного существования городского и сельского населения раздражала высоких партийных чинуш. Им нужен был пример, чтобы наказать обладателей стальных мышц и железных мускулов и доказать, что они ничуть не лучше «свинарки и пастуха». Выбор пал на Стрельцова.

Если партия и в самом деле была обеспокоена диспропорцией в распределении материальных благ, она обязана была, как говорил на пленуме секции футбола делегат из Ленинграда, «поправить положение». Самый простой, проверенный способ – у всех отнять и разделить поровну, что лишило бы физкультурников привилегий. Все это не так просто.

Ведущие спортсмены, ставя мировые рекорды и выигрывая международные турниры, лили воду на идеологические жернова: победы в спорте советская пропаганда расценивала как доказательство преимущества социалистической системы. Для достижения высоких результатов партия вынуждена была создавать спортсменам нормальные (по советским понятиям) условия и обеспечивать материальными благами, превышающими средний уровень.

Наказывать Стрельцова за то, что он мог себе позволить питаться в ресторанах и имел машину, было бессмысленно. Многие спортсмены, и в первую очередь футболисты, жили не хуже.

Арест Стрельцова ничего изменить не мог и не изменил. Но почему Стрельцов? «Торпедо» – не самая высокооплачиваемая команда. Спартакowцы, к примеру, и представители силовых ведомств получали значительно больше. Если уж решили наказывать Стрельцова, то можно было дождаться окончания чемпионата мира. КПСС, заинтересованная в успешном выступлении своей сборной, не могла не понимать, что отсутствие Стрельцова значительно ее ослабит.

Эта версия не кажется мне достаточно мотивированной.

Стрельцов хотел остаться в Швеции?

Почему в Швеции? В июне 1955 года в Стокгольме в матче СССР – Швеция Стрельцов сделал хет-трик (наши выиграли 6:0). Шведов наш форвард впечатлил настолько, что (по слухам) ему сделали лестное предложение и выразили готовность ждать «хоть 500 лет».

За три минувших с тех пор года Стрельцов постоянно выезжал за пределы страны с клубом и со сборной. Неоднократно посещал и капстраны, где при большом желании мог и остаться. Такому футболисту были рады не только в Швеции. Если о предложении шведов в 55-м знали люди в сером и не были уверены в устойчивости Стрельцова, отчего же спокойно отпускали его в течение трех лет и вдруг струхнули перед самым чемпионатом мира?

Опасения, однако, действительно имелись, но связаны они были не с Швецией.

В партархиве имеется весьма любопытный документ (чуть позже представлю его тоже), в нем содержатся такие вот строки: «По проверенным данным в 1957 году Стрельцов в кругу друзей высказывал сожаление, что он вернулся в СССР после поездки за границу».

Осенью 57-го торпедовцы выезжали во Францию, где провели три матча с ведущими клубами. Стрельцов забил там семь мячей и свел с ума французов. На банкете представитель одного из клубов предложил за Стрельцова баснословные деньги. Наши обратили все в шутку и разговор замяли.

Не исключаю, что после возвращения из Франции Стрельцов, испытывавший на протяжении года огромное давление сверху, в сердцах под винными парами сболтнул лишнее (в серьезность его намерений не верю). Ну а дальше – проза советских будней. Схема предельно проста: стукач – КГБ – ЦК.

Если уж у компетентных органов возникли серьезные опасения, поездку Стрельцова на чемпионат мира они в состоянии были предотвратить, не напрягаясь. Способов предостаточно – не одну собаку на этом съели. Стоило ли избирать самый жестокий?

Интриги силовых структур?

Имеются в виду козни внутренних органов и армии, направленные преимущественно против «Спартака» и «Торпедо». В материале приводятся слова известного комментатора Вадима Синявского: «Вот и упрятали его (Стрельцова. – А.В.). И то польза. Не будет забивать голы динамовцам и армейцам». Странно слышать такие слова от человека футбольного, к тому же поклонника московского «Динамо». К 1958 году Стрельцов забил «Динамо» и ЦДСА всего четыре гола – выходит, каждый потянул на три года! Так отчего ходил на свободе партнер его – Валентин Иванов, забивший к тому времени семь мячей? А Никиту Симоняна (12 мячей) и Сергея Сальникова (15) к стенке ставить следовало (пожизненное заключение Советская власть не практиковала).

Неужто всевидящие, всезнающие органы не могли раскошелиться на штатную единицу статистика, чтобы все эти безобразия не остались безнаказанными? Или слежка велась только за Стрельцовым? Тогда они прошляпили его террористическую деятельность против «Динамо» и ЦСКА после возвращения (забил им девять мячей и еще два в Кубке). Или в 60-е органы стали гуманнее? В нравственное очищение людей с «чистыми руками и горячим сердцем» уверовать еще труднее, нежели в версию Синявского.

Версия исследователей сформулирована так: «Силовые ведомства вели борьбу за то, чтобы в сборной было представлено как можно больше „своих“ футболистов... Места для „своих“ в сборной страны, победы „своих“ в первенствах! Великое тщеславие, великая похвальба». Далее следует ссылка на имеющиеся документы, достойные отдельного рассмотрения.

У меня нет оснований подвергать сомнению наличие таких документов. Не отказался бы на них взглянуть. Опираясь исключительно на факты футбольные, вынужден констатировать: органы, обладая колоссальной потенцией и возможностями, действовали в данном случае по-юношески робко и крайне неэффективно. Искомый результат легко достигался в двух случаях: всех «звезд» у конкурентов а) переманить; б) пересажать. Судя по всему, остановились на втором варианте, только время выбрали не самое подходящее – перед чемпионатом мира. Уж столько терпели, могли еще недельки три подождать. В успехах советского футбола по известным причинам были кровно заинтересованы и силовые ведомства (прежде всего, КГБ), и партия, и народ (в этом они и в самом деле были едины).

Разрушение сборной в угоду корпоративным интересам, да еще перед столь ответственными соревнованиями следовало расценивать (по понятиям самих органов) как подрыв престижа советского государства, за что в 52-м лишили жизни армейский клуб.

В сборной-58 и без того было немало динамовцев. В стартовый состав постоянно входило 5 человек (Яшин, Кесарев, Крижевский, Борис Кузнецов и Царев). Почти полкоманды, куда уж больше! К тому же Стрельцов ни динамовцам, ни армейцам путь в сборную не заслонял. В его отсутствие место в центре атаки занял спартаковец Симонян.

Отчего же МВД, КГБ и МО не увеличили динамовско-армейскую квоту в последующие годы? В 60-м сборную СССР, победившую в Кубке Европы, силовые структуры представлял один Лев Яшин. То же и с клубами – эффект нулевой, скорее отрицательный. В том же 58-м при попустительстве всесильных органов «Спартак» выиграл и чемпионат, и Кубок. За одним провалом последовал другой. В Москве, под боком у Лубянки, складывалась потрясающая команда – «Торпедо». Опять проморгали, позволив ей в 60-м сделать «дубль». А что же «Динамо» с ЦСКА? До 58-го года на двоих они выиграли тринадцать чемпионатов (8+5), после 58-го – пять (3+2). Показатели «Спартак» и «Торпедо» за этот же период таковы: «Спартак» – 6+6, «Торпедо» – 0+3. О Кубке и не говорю. Таковы факты.

Выходит, у грозных, всесильных организаций сил хватило только на то, чтобы засадить несчастного Стрельцова.

Если честно, в руководящую роль КГБ в стрельцовой истории не верю. Во вспомогательную (и такое предположение имеется) – верю с трудом.

Мечь Екатерины Фурцевой?

Эта версия заслуживает более подробного рассмотрения.

«Вечерняя Москва»: «Фурцева (Екатерина Алексеевна Фурцева во второй половине 50-х секретарь ЦК КПСС, член Политбюро, глава московских коммунистов. – А.В.) мечтала выдать свою дочь за знаменитого спортсмена. Одним из тех, на кого она положила глаз, был Стрельцов.

В 1956 году после возвращения из Мельбурна с Олимпийских игр в честь советских футболистов-победителей был устроен торжественный прием. На приеме присутствовали почти все кремлевские чиновники. Была там и Екатерина Фурцева... Она взяла в Кремль свою шестнадцатилетнюю дочь Светлану. На приеме среди гостей был 19-летний красавец – нападающий сборной страны Эдуард Стрельцов».

Как человек, приученный к точности, извинившись перед авторами, внесу небольшие коррективы. Партия устроила прием в честь олимпийцев (не только футболистов) 9 января 1957 года. Сведениями о матримониальных планах Фурцевой касательно дочери не располагаю. По непроверенным слухам, Светлана была влюблена в Стрельцова. Все остальное верно.

После этого следует рассказ журналиста Феликса Медведева о знакомстве Фурцевой со Стрельцовым и коротком диалоге между ними. Догадавшись, куда клонит мамаша, знаменитый форвард «после пропущенной стопки водки» брякнул: «У меня невеста, я собираюсь жениться». Известны еще несколько вариантов ответа Стрельцова, от довольно дерзкого, учитывая ранг собеседницы: «Свою Алку ни на кого не променяю» до: «Я лучше повешусь, чем женюсь на такой...». Не счел возможным завершить фразу: последнее слово, хоть и цензурное, унижало достоинство 16-летней девушки. Да и не верю, что Стрельцов, даже «после пропущенной стопки», мог говорить в подобном тоне. И затем от редакции: «Факт встречи и разговор между Эдуардом Стрельцовым и Екатериной Фурцевой подтверждает ее дочь Светлана». Факт сей подтверждает (в несколько иной интерпретации) и вторая жена Стрельцова Раиса Михайловна (журнал «Футбольный болельщик» № 1, 1992). И, наконец, первоисточник – сам Стрельцов (в одной из книг Александра Нилина).

Встреча в Кремле и содержание короткого диалога между секретарем ЦК и центральным нападающим сомнений не вызывает. Вопрос другой: связана ли она напрямую с трагической для форварда концовкой? Неопровержимых доказательств нет, но

прежде чем ставить точку, поделюсь имеющимся в моем распоряжении материалом.

Впервые я узнал об этой истории в 58-м от московских друзей, двое из которых (парень и девушка) были знакомы со Стрельцовым и несколько раз участвовали в общих с ним застольях (тогда их называли вечеринками). Меня ошеломил вывод: ребята уверяли, что ход делу Стрельцова дала Фурцева, отомстив ему за инцидент полуторагодичной давности.

Непробиваемый комсомолец (сейчас в этом стыдно признаться – гнусные антистрельцовские пасквилы, хоть не до конца им поверил, вызвали во мне смятение), я безоговорочно отверг, как мне тогда казалось, чудовищную сплетню.

Свидетельствуют футболисты

Всплыла эта версия через четверть века. В 1984 году в Грузии отмечали двадцатилетие первой победы тбилисского «Динамо» в чемпионате. Республиканская спортивная газета «Лело» обратилась ко мне с просьбой проинтервьюировать чемпионов 1964 года и их тренера Гавриила Качалина. Имел тогда обыкновение после официальной части заводить беседы на разные темы. При встречах со Славой Метревели (партнером Стрельцова по «Торпедо» и сборной – он готовился в 58-м к поездке в Швецию) и Качалиным я, конечно, не упустил случая спросить о Стрельцове – не для печати, разумеется: гласность была еще на подходе. Сегодня впервые извлекаю покоившиеся в столе более полутора десятка лет записи.

Из беседы с Качалиным:

– ...Когда я попытался выручить Стрельцова, мне в милиции ответили, что дело дошло до Хрущева. Кинулся в райком партии, просил первого секретаря помочь, прекратить дело до окончания чемпионата мира. Мне сказали, что сделать уже ничего нельзя, и многозначительно показали наверх. Я понял – это конец. Так ни за что посадили Стрельцова.

– Кто мог доложить Хрущеву?

– Слышал, что Фурцева. Она имела зуб на Эдика.

– Слышали или точно знаете?

– Кто может это точно знать?

Из монолога Метревели:

– Фурцева, которая была в тот период секретарем ЦК, хотела выдать свою дочь за Стрельцова, но он ей сказал (далее последовала фраза, которую я до конца процитировать не решился. – А.В.). Фурцева это, конечно, запомнила... Среди тех девиц была одна б... (Слава был не в курсе – Марина оказалась девственницей. – А.В.). Утром эта девица возвратилась с царапиной или ссадиной на лице. Мать ее подняла шум. Девницу заставили написать заявление в милицию. Об этой истории сразу узнала Фурцева. Она не упустила случая отомстить Стрельцову.

Позже, в 90-е, я расспрашивал и других игроков. О разговоре в Кремле знали все, в причастности Фурцевой сомнения имелись. Исключение – Борис Татушин.

Я позвонил ему в августе 95-го опять в связи с юбилеем – в канун сорокалетия исторического матча СССР – ФРГ. Просил поделиться впечатлениями по заданию редакции «Футбола». Татушин был немногословен. Получив нужную информацию, я как-то плавно перевел разговор на тот майский день. Он просил

эту тему не ворошить. Боясь, что повесит трубку, я выстрелил в упор: «Знаете, кто посадил Стрельцова?» – «Вы что, не в курсе? – последовал ответ. – Екатерина Третья. Об этом все знают».

И последнее – Александр Нилин, узнав, над чем тружусь, любезно предоставил мне небольшой отрывок из готовящейся к печати фундаментальной книги о Стрельцове: «Про Фурцеву мне и сам Эдик говорил – в ней видел одну из виновниц произошедшего с ним... Откуда-то известно, что Екатерина Алексеевна передала записку о случившемся в районе железнодорожной станции Правда помощнику Хрущева...

Быстрота, с которой информация дошла до самых верхов, всегда меня настораживала. Все как бы делалось специально, чтобы футбольные деятели не успели вмешаться...»

Сам Александр Павлович в отличие от меня с огромной долей скепсиса относился к причастности Фурцевой ко всей этой истории. Судя по содержанию процитированного отрывка, наши позиции немного сблизились.

Приведенные здесь высказывания, и особенно стрельцовское, еще больше укрепляют в моем убеждении, но юридически ничего не доказывают из-за отсутствия прямых улик.

Улики косвенные

Не убежден, что Фурцева действительно намеревалась выдать дочь за Стрельцова. Футболист, хоть и знаменитый и даже олимпийский чемпион – не пара дочери члена Политбюро. Но в любом случае отказ Стрельцова, в какой бы форме ни прозвучал, был оскорбителен для столь высокой персоны. Мотив для отмищения имелся. Наличие мотива само по себе доказательством не является. И все же.

Коротко напомним суть изложенных событий. До 1957 года Эдуард Стрельцов – золотой мальчик советского футбола, всеобщий любимец, избалованный, обласканный высшими спортивными регалиями (в 19 лет! – заслуженный мастер спорта) и правительственными наградами (орден «Знак Почета») за заслуги перед Отечеством. На его недетские шалости на футбольном поле и вне внимания не обращали, огласке не предавали.

Резкий поворот в отношении к Стрельцову наметился в 57-м. Напомню – разговор в Кремле состоялся в январе 57-го, и уже в апреле, в первом туре чемпионата, обычный игровой эпизод – грубый прием в борьбе за мяч (на такие мелочи вообще не реагировали) послужил сигналом для беспрецедентной акции, направленной против Стрельцова, с привлечением прессы, общественности и последовавшими затем санкциями, значительно превышавшими по строгости и жестокости им содеянное. Стрельцов оказался на мушке. В последующем за каждый проступок, реальный или мнимый, за шаг влево или вправо открывали огонь на поражение. Между тем проступков, аналогичных стрельцовским (и более серьезных), совершенных игроками и именитыми, и заслуженными, было немало. Ни один не наказывался столь сурово (чаще вовсе оставался безнаказанным) и не имел широкого резонанса (в большинстве своем – никакого).

Мощное методичное давление на форварда, длившееся более года, обернулось двенадцатилетним тюремным заключением за несовершенно и недоказанное (по мнению специалистов) преступление. Тенденциозное, предвзятое, непомерно жестокое отношение к форварду предполагало, на наш взгляд, влиятельного организатора, имевшего достаточно власти, чтобы диктовать свою волю физкультурному и иным ведомствам. Владимир Мошкаркин (в 58-м начальник сборной СССР) в беседе с писателем Александром Моргиным сказал: «Я не верю, что несчастье, которое обрушилось на голову Стрельцова, а заодно на

весь наш футбол, просто случайность. Слишком уж целенаправленно давили на Эдуарда последние год-два».

Слова Мошкаркина (приведены в книге Эдварда Максимовского «Кто заказал Эдуарда Стрельцова?») наш вывод подтверждают. У начальника сборной наверняка имелись основания для подобного утверждения. Уж он-то знал побольше нашего.

Бедя случилась бы неизбежно – рано или поздно. То, что она настигла Стрельцова именно в мае, как мне кажется, чистой случайностью. Он мог не поехать на карахановскую дачу и через три дня благополучно отбыть в Швецию. Охотившиеся за ним нажали бы на курок позже. Благо мишень была удобная – поводов попасть хоть отбавляй. Но как только информация дошла до Хрущева, повлиять на дальнейший ход событий стало невозможно. То, что первый человек в стране был мгновенно проинформирован (есть предположение, что именно Фурцевой), не оставляет сомнений в намеренном преследовании Стрельцова.

Амурные истории футболистов не всегда заканчивались благополучно. Девушки иногда провоцировали игроков и, чтобы продлить с ними отношения или, если повезет, заполучить навсегда, изображали жертв насилия. Один такой случай всплыл во время следствия по делу Стрельцова. Конфликты эти гасились мгновенно. А тут сразу доложили Хрущеву, когда виновность человека еще не была доказана. Сделать это мог тот, кто добивался его наказания, возможно, и не столь жестокого.

Хрущев (футбол его не волновал, и наверняка не ведал он о гонениях на форварда), человек взрывной, импульсивный, узнав о случившемся, в порыве гнева распорядился: «Наказать по всей строгости» или что-то в этом роде. Суд беспрекословно исполнил его волю.

Исходя из всего изложенного – высказываний футболистов, главным образом, мнения Стрельцова, сопоставления и анализа событий 1957–1958 годов, – версия об участии Фурцевой в постигшей Стрельцова трагедии кажется мне более правдоподобной, чем все остальные.

Блестящая карьера футболиста прервалась. До чего же невезучий был парень! На Олимпиаде-56 вывел советскую сборную в финал, а золотой медали лишился. Через год, обыграв поляков, забронировал место своей сборной в Швеции, но сам туда не попал. Благодаря отпущенному сверх меры природой таланту мог стать героем трех европейских и трех мировых чемпионатов – и ни в одном не участвовал.

Двух лет не хватило, чтобы выиграть вместе с родным «Торпедо» золото чемпионата, а со сборной – Кубок Европы.

Стрельцов – самая драматичная фигура советского футбола. Один театровед определил драматизм как противоречие между характером и обстоятельствами. В случае со Стрельцовым обстоятельства оказывались сильнее.

Отчего вода в море соленая?

Провожали, вернее, выпроваживали Стрельцова из футбола жестоко, грубо, оскорбляя и улюлюкая, унижая человеческое достоинство, представляя хулиганом и насильником, создавая образ дремучего невежды, эдакого фонвизинского Митрофанушки. С садистским наслаждением топтали распластанного, униженного, оскорбленного форварда Фомичев и Шатуновский в недоброй памяти фельетоне: «А человек-то Стрельцов был серый, недалекий. Его некомпетентность в самых примитивных вопросах вызвала изумление и улыбки у товарищей по команде. Он искренне считал, что город Сочи находится на берегу Каспийского моря, а вода в море соленая оттого, что в ней плавают селедка».

Это была работа на публику. Авторы фельетонов, подобострастно выполнявшие сочинения на заданную тему, не прочь были и остроумием блеснуть, и громкий смех у многомиллионной аудитории вызвать. В данном случае если и было над кем смеяться, разве что над создателями образа. Только Митрофанушки способны были уверовать во всю эту чепуху. Уж кто-кто, а футболисты, ежегодно проводившие предсезонные сборы на Черноморском побережье, представление о местонахождении Сочи имели, и вообще их практические познания в географии, отечественной и зарубежной, были повыше, нежели у некоторых, относящих себя к интеллектуалам.

Что же касается вкуса черноморской воды – это бессовестный, откровенный плагиат. В рассказе Антона Павловича Чехова «Экзамен» отец подверг ревизии познания своего 21-летнего оболтуса, вознамерившегося сбросить родительское иго. Один из вопросов звучал так:

- Отчего вода в море соленая?
- Оттого, что в нем плавают селедки.

Следующий вопрос, а тем паче ответ отпрыска фельетонисты-юмористы озвучить не пожелали. Причину нетрудно обнаружить, продолжив чтение. Далее по тексту следовало:

- Старо, старо! Свое что-нибудь придумай.

– Оттого в море вода соленая, что... что... в нем купаются юмористы.

Этот вариант папашу удовлетворил. Наверное, потому, что больше соответствовал истине.

Правдист Нариньяни и известинец Шатуновский не случайно поместили свои творения в «Комсомольской правде». Возглавляя ее тогда зять Никиты Хрущева Алексей Аджубей, что наводит на

мысль о сферах обитания истинного заказчика фельетонов. Кроме того, готовящийся взрыв с эпицентром в «Комсомолке», самой читаемой и почитаемой в стране газете, должен был иметь, по расчетам авторов и их вдохновителей, наибольший эффект для уничтожения избранного им объекта.

Фельетон «Еще раз о „звездной болезни“» завершил длившуюся больше года разнузданную травлю лучшего советского форварда. Цель достигнута – упекли парня всерьез и надолго.

А был ли мальчик?

Сразу наступила тишина, мучительно долгая, мертвая, до звона в ушах. На протяжении семи лет нам пытались внушить, что не было такого человека и футболиста – Эдуарда Стрельцова. Все, что с ним связано, не что иное, как блеф, мираж, обман зрения, галлюцинация, бред воспаленного воображения.

В годы сталинщины каждое превращение пламенного революционера во врага народа сопровождалось изъятием его сочинений из библиотек, книжных магазинов, вымарыванием и замазыванием фамилий и изображений в печатных изданиях. Искать логику во всем этом бессмысленно. Еще труднее понять, почему после постигшей Стрельцова беды, предали забвению его имя. Он продолжал оставаться советским человеком, ни в антинародной, ни в антигосударственной деятельности замечен не был.

Один только пример из множества имеющихся. На 14-15-й страницах футбольного справочника 1959 года (издания пресс-бюро Центрального стадиона им. Ленина) перечислены футболисты, забившие мячи в чемпионате предыдущего – 1958 года. Перечень бомбардиров московского «Торпедо» завершается словами «и другие 5 мячей». Те самые пять мячей, которые успел забить в том турнире Эдуард Стрельцов. Вот таким оригинальным образом избегали упоминания опального футболиста.

4 февраля 1963 года Донской районный суд Тульской области (последний пункт пятилетнего путешествия по обширным просторам отчизны за государственный счет) принял решение об условно-досрочном освобождении Эдуарда Анатольевича Стрельцова в связи с примерным поведением и добросовестным отношением к работе. Через полгода народный суд Пролетарского района столицы снял с него судимость.

Возвращение Стрельцова из мест заключения прошло незамеченным. Пресса в упор его не видела.

Слухи в странах закрытого типа, к коим на протяжении десятков лет относился и СССР, – альтернативные средства массовой информации, восполняющие или корректирующие официальный источник. «Стрельцов вернулся, облысел, погрузнел», «играет на первенство Москвы, штук по десять-двенадцать забивает», «народ на него валом валит»... Такие примерно слухи расползались по стране вскоре после его возвращения на волю, обрастая невероятными подробностями по мере удаления от столицы.

В общем, все так и было, за исключением количества забитых

мячей. Об этом мы узнали много позже. Миллионы людей, исключая очевидцев, все это время оставались в неведении, не умея отличить правду от вымысла.

Скудная информация просачивалась лишь в ЗИЛовскую многотиражку «Московский автозаводец», тощую газетенку, предназначенную для внутреннего пользования. В киосках не распространялась, в библиотеках не выдавалась: многотиражки покоились в спецхранах. Только в благословенные годы перестройки их рассекретили, благодаря чему я и собрал по крупицам кое-какую информацию.

Стрельцов в самом деле играл за заводскую команду в зимнем чемпионате Москвы. Результаты матчей газета сообщала нерегулярно. Побед я насчитал больше, нежели неудач. В третьем туре, например, в принципиальном матче с «Динамо», автозаводцы выиграли – 1:0. Гол забил Стрельцов. Опубликовала газета и таблицу первенства завода. Первым стал ОТК, за который играл Стрельцов. Чемпион выиграл 11 матчей из 11 с общим счетом 34-5. Даже если все мячи забил Стрельцов, десять за игру не получалось.

Все это время шла закулисная борьба за возвращение Стрельцова в «Торпедо». Формально ему должен был помочь Всесоюзный комитет физкультуры. Он породил приказ о пожизненной дисквалификации форварда, он и должен был его похерить. Фактически спортивные и тем более футбольные ведомства, по крайней мере в решении стрельцовой проблемы, были бессильны. Пока страной правил Хрущев, добиваться возвращения Стрельцова в большой футбол было бессмысленно.

И тогда же за дело взялся пролетариат

Рабочие автозавода составили петицию (под ней подписалось более тысячи человек) на имя секретаря ЦК КПСС Леонида Ильичева. Трудящиеся спрашивали: «Кто заинтересован в том, чтобы Стрельцов не играл в футбол, а любители этого вида спорта не получали эстетического удовлетворения? Провинился человек, он понес наказание. Неужели же за совершенную ошибку человек должен расплачиваться всю жизнь? Почему надо лишать человека любимого дела?... Он должен иметь право играть в футбол в рамках своих способностей. Если с этим не согласны некоторые люди, от которых зависит решение данного вопроса, то мы просим Вас дать им, а вместе с ними председателю высшего Совета физической культуры и спорта тов. Машину, указание прибыть к нам, работникам автозавода им. И. А. Лихачева, побеседовать с нашим, кстати сказать, многотысячным коллективом и послушать наше мнение».

Перспектива посмотреть в глаза народным массам высокого партийного бонзу вряд ли воодушевила, но и оставлять без внимания письмо трудящихся он не мог и поручил высказать свои соображения по этому поводу узким специалистам.

«Стрельцова на поле!»

27 июля 1963 года пред высоки начальственны очи была представлена записка, подписанная работниками идеологического отдела ЦК КПСС В. Снастиным и И. Удальцовым. В ней, в частности, говорилось: «В настоящее время некоторые руководители общественных и спортивных организаций завода им. Лихачева стараются... преуменьшить его вину, представляя тяжкое уголовное преступление, совершенное им, как „ошибку“. Несмотря на то, что с момента досрочного освобождения Стрельцова из тюремного заключения прошло всего пять месяцев, он рекламируется как хороший и дисциплинированный рабочий, а также квалифицированный футболист, игра которого доставляет эстетическое удовлетворение.

Вопреки ранее принятому решению о дисквалификации Стрельцова, руководители спортивных организаций завода в мае-июле 1963 года дважды допускали Стрельцова к играм дублирующего состава команды мастеров класса „А“ и один раз к товарищеской игре основного состава команды „Торпедо“ в г. Горьком. Участие Стрельцова в этих играх используется определенной частью болельщиков для прославления Стрельцова. Многие зрители, присутствующие на стадионах, встречают выход Стрельцова на футбольное поле аплодисментами и одобрительными выкриками. В г. Горьком накануне товарищеской игры по футболу на центральном стадионе по радио было специально объявлено, что в составе московской команды „Торпедо“ выступит Стрельцов. Когда по настоянию руководителей Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР Стрельцов не был допущен к этой игре, большая часть зрителей скандировала „Стрельцова на поле“ до тех пор, пока во избежание беспорядков на стадионе не было принято решение допустить Стрельцова к игре.

Все организуется для того, чтобы разрекламировать Стрельцова и добиться его включения в команду мастеров класса „А“.

Считаем, что включение Стрельцова в состав футбольной команды „Торпедо“ сделает необходимым его выезды за границу, что создало бы за рубежом нездоровую сенсацию вокруг Стрельцова, поскольку его история в свое время нашла широкое освещение в зарубежной прессе. Вместе с тем включение в состав сильнейших команд морально нечистоплотных людей нанесло бы серьезный ущерб работе по воспитанию молодежи и спортсменов, авторитету советского спорта как в нашей стране, так и за

рубежом.

В связи с изложенным вносим предложения:

– просьбу о включении Стрельцова Э. А. в состав футбольной команды мастеров класса „А“ считать неправильной;

– поручить Московскому горкому КПСС дать соответствующие разъяснения по данному вопросу партийному комитету и руководству Автомобильного завода им. Лихачева, обязав дирекцию и партком завода обеспечить правильное отношение коллектива завода к вопросам воспитания спортсменов и развития физической культуры и спорта на заводе. Просим согласия».

Согласие последовало. Ильичев и Брежнев, бывший тогда Председателем Президиума Верховного Совета СССР, поставили на записке резолюцию: «Согласиться», скрепив ее автографами. Не уважили просьбу трудящихся Леонид Ильичев с Леонидом Ильичем. Не решился Брежнев поперед бабки в пекло лезть. Письмо рабочих автозавода и записка на имя Ильичева и Брежнева содержатся в бывшем партийном архиве.

Ходоки у Брежнева

Года через полтора, став полновластным хозяином, Брежнев, кстати, большой любитель футбола и хоккея, удовлетворил просьбу ходоков, возглавляемую секретарем ЗИЛовского парткома Аркадием Вольским, заодно пообещав им найти управу на Ильичева. Слово Ильич сдержал. Весной 65-го Стрельцов из заводского коллектива перешел в команду мастеров класса «А», а тезку генсека из секретарей ЦК разжаловали в замминистра иностранных дел, вынудив его переселиться со Старой площади на площадь Смоленскую.

Оставим, однако, партийные игры верным ленинцам и займемся играми футбольными, в которых вновь, после семилетнего перерыва, принял участие Эдуард Стрельцов.

Нет вопроса – нет ответа

От людей ничего не скроешь. Сразу же поползли новые слухи: «Стрельцов в „Торпедо“. Будет играть в чемпионате!» СМИ подтвердить их не торопились, и даже многотиражка, дважды сообщавшая о встречах рабочих с торпедовским коллективом, ни разу не упомянула о Стрельцове. Сами с собой в прятки играли. На ЗИЛе-то уже всё знали.

27 февраля «Московский автозаводец» рассказал о третьей встрече рабочих с командой, где представили новичков «Торпедо» – Александра Ленева и Владимира Бреднева. О Стрельцове – ни слова. Только 3 апреля, за двенадцать дней до начала чемпионата, «Московский автозаводец» поместил корреспонденцию: «„Торпедо“ готовится», подписанную А. Анисимовым и П. Соломатиным: «В марте мы провели на юге пять товарищеских игр. В составе нашей молодой команды были лучшие воспитанники торпедовской футбольной школы. Нападение возглавлял опытный игрок Э. Стрельцов, который показал хорошую физическую, техническую и тактическую подготовку».

Небольшой комментарий. Основной состав торпедовцев готовился к сезону в Австралии, куда недавнего зека, естественно (вообще-то противоестественно), не пустили, и Стрельцов вместе с травмированным Борисом Батановым подтягивал «физику», накручивая километры в Москве. Весной он отправился на юг с дублем, а к основному составу подключился после возвращения «Торпедо» из Австралии, успел провести с ним два контрольных матча, в которых забил то ли шесть, то ли семь мячей.

Обо всем этом знали только рабочие автозавода и непосредственные свидетели торпедовских игр. Остальная страна продолжала оставаться в неведении. Бешеный интерес к Стрельцову был обратно пропорционален имеющейся (точнее, отсутствующей) информации.

Наконец, за четыре дня до старта 27-го союзного чемпионата еженедельник «Футбол» (№ 15 от 11 апреля 1965 года) на предпоследней, пятнадцатой, странице в рубрике «Отвечаем нашим читателям» чуть приподнял завесу. А все потому, что житель Москвы М. Емельянов (единственный в многомиллионной стране) вспомнил вдруг об игравшем когда-то в «Торпедо» футболисте по фамилии Стрельцов и вздумал поинтересоваться, где он и чем занимается. Написал письмо в редакцию и не прогадал. «Уважаемая редакция! Всем нам известно, что футболист Э. Стрельцов семь лет назад был осужден за тяжелый

проступок. Известно также, что он отбыл наказание и находится в Москве. Но что он делает, где находится, играет ли в футбол – неизвестно, а разным слухам не хочется верить. Прошу ответить. М. Емельянов».

Любопытство жителя Москвы удовлетворил заместитель секретаря заводского комсомола П. Шеншин. Он подробно рассказал о трудовой деятельности Стрельцова, о том, как завод помог ему получить звание ударника коммунистического труда, окончить вечернюю школу и поступить во ВТУЗ при автозаводе, восстановить членство в ВЛКСМ. В заключение было сказано: «Сейчас можно твердо сказать, что того Стрельцова, который совершил тяжелый проступок, уже нет. Есть комсомолец, студент, работник автозавода Эдуард Стрельцов.

Но он не бросил футбол и все время играл за команду ОТК нашего завода. Был даже ее капитаном. Команда эта стала чемпионом Автозавода им. И. А. Лихачева».

Материал интересен еще и тем, что впервые фамилия Стрельцова появилась на страницах футбольного еженедельника (он стал издаваться с мая 1960 года), который спустя несколько лет сменит равнодушно-безразличное к нему отношение и дважды признает лучшим футболистом СССР. На главный вопрос, связанный с участием Стрельцова в стартующем чемпионате, ответа не последовало. Не вина «Футбола», что ни Емельянова и вообще никого в Союзе сей предмет не интересовал. Нет вопроса – нет ответа.

Полярная ночь

Только в середине апреля, когда, как писали в то время газеты, «на футбольных полях страны раздался задорный звон мячей», «Советский спорт» и «Футбол» ознакомили болельщиков с участниками чемпионата. В составе «Торпедо», в графе «нападающие» значилось: «Э. Стрельцов (1937)». Наиболее эрудированный и сообразительный любитель по опознавательным знакам (инициалу и году рождения) мог предположить, что это и есть тот самый Стрельцов.

В газетных отчетах Стрельцова старались не замечать. Реже, чем он того заслуживал, рассказывали о его участии в успешно завершенных комбинациях и вынужденно, тут уж никуда не денешься, отмечали забитые им мячи.

После завершения сезона в статье «Красивый чемпион», посвященной московскому «Торпедо» («Советский спорт» от 16 ноября 1965 года), известный журналист Александр Вит (Виттенберг) уделил Стрельцову, лучшему бомбардиру чемпионской команды, две строки: «Сейчас в лице Стрельцова он (В. Иванов. – А.В.) получил великолепного партнера. Трудно назвать вторую такую пару центральных нападающих, словно созданных друг для друга».

Тандем и в самом деле бесподобный. С появлением Стрельцова в «Торпедо» в середине 60-х образовалась идеальная парочка Стрельцов – Иванов. Мощь, стремительность, убойная сила Стрельцова, помноженные на изобретательность, тонкие, умные, хитрые ходы великого комбинатора Кузьмы – Валентина Иванова, создавали гремучую смесь, перед которой оказались бессильны все противопожарные службы вместе взятые.

Они понимали друг друга на внеземном, космическом уровне, с закрытыми глазами разыгрывали сложнейшие, красивейшие комбинации, подвластные разве что великим гроссмейстерам в сеансах одновременной игры вслепую. Так ладно подогнанной друг к другу пары в нашем футболе не припомнишь. Вновь обретая друг друга, Иванов со Стрельцовым заиграли так, словно и не было семи лет разлуки. В статье Вита об Иванове, изумительно исполнившем лебединую песнь (в 66-м Иванов не играл – доигрывал), написано много и лестно. Стрельцов подан в качестве приложения торпедовскому капитану, будто сам по себе ничего не значил.

Еще более сдержан к нему был С. Кружков, представивший в «Московском автозаводце» (от 18 ноября 1965 года) нового чемпиона: «Сегодня о каждом футболисте хочется написать очерк,

потому что каждый внес свою лепту в победу коллектива. Но, пожалуй, больше всех – Валерий Воронин и Валентин Иванов». Затем прозвучали ласкающие слух дифирамбы в адрес тренеров и футболистов. О Стрельцове – вот это: «В нападении „Торпедо“ в нынешнем сезоне рядом с Ивановым вновь играет Стрельцов. Сегодня на его боевом счету двенадцать забитых мячей». Сухая, будничная информация, давно уже читавшим эти строки известная.

Здесь не место искать причины все еще продолжавшейся холодной войны в отношении Стрельцова. Рискну предположить, что вооруженные перьями участвовали в ней не добровольно, а по призыву. Добрый, отходчивый, Стрельцов зла ни на кого не держал. Он добротой делал, что умел, что предназначено ему было матушкой-природой.

Не имею права не рассказать, вернее, имею огромное желание рассказать о Стрельцове-футболисте и забитых им мячах.

С голами Стрельцова, как и в многострадальной его жизни, без проблем не обошлось. Сомнения долгие годы вызывал один только забитый им мяч – первый.

Сократ мне друг...

4 апреля 1954 года «Торпедо» открывало сезон в Харькове с местным «Локомотивом». Гости выиграли – 4:1. В тот день состоялся дебют шестнадцатилетнего Эдуарда Стрельцова в большом футболе. Он появился на поле минут за двадцать до конца и гола забить не успел. В этом я был абсолютно уверен. Согласно «Советскому спорту» (от 6 апреля 1954 года) четвертый гол забил Вацкевич, в харьковских и киевских газетах единства на сей счет не было – кто-то указывал на Вацкевича, а «Радзяньский спорт» – на Гулевского. Стрельцова они не заметили.

В июле 87-го мою уверенность поколебала запись в протоколе этого матча, сделанная рижским арбитром Эдгарсом Клавсом. По его мнению, четвертый гол забил Стрельцов. Протокол – святое, так мне тогда казалось. (Со временем, получив солидный опыт работы с протоколами, оценил изречение Иосифа Сталина: «Надо доверять, но проверять»). Тут же отнимаю гол у Вацкевича и приписываю Стрельцову.

Чуть позже сам Стрельцов вновь зародил сомнения. В книге «Вижу поле» он вспоминает первые матчи за «Торпедо». Дебюту в Харькове посвящено два слова – вышел на замену. О голе – ни звука. В следующем матче с ленинградскими «Трудовыми резервами», по словам форварда, он принес какую-то пользу: так энергично напирал на защитника, что тот с перепугу пробил по своим. И попал. Наконец, в третьей игре, в Тбилиси, впервые вышел на поле в стартовом составе и забил первый гол. Кому верить – Клавсу или автору? Футболисты в большинстве своем первый гол помнят в деталях.

Сомнения окончательно развеяла автозаводская многотиражка от 6 апреля 1954 года (в первой половине 50-х издавалась под названием «Сталинец»). Редакция газеты редко отправляла своих людей на выездные матчи «Торпедо», а тут, возможно, в связи с открытием сезона раскошелилась не на шутку: и корреспондента откомандировала, и фотокора – словно знала, какую услугу оказывает будущим историографам Стрельцова.

Журналист о спорном четвертом голе рассказал («во второй половине состязания четвертый мяч в сетку „Локомотива“ влетел от ноги Виталия Вацкевича»), фотокор – показал. Снимок (в нашем случае – вещественное доказательство) запечатлен тут же под отчетом: Вацкевич уже произвел удар, и мяч от его ноги летит в ворота. Рядом с ним – Гулевский. Стрельцова в кадре нет. Возможно, еще не вышел на поле: четвертый гол и появление

Стрельцова состоялись на одной и той же 70-й минуте.

Не исключаю, что Клавс, держа в уме фамилию вышедшего на замену молодого, еще никому не известного футболиста, по ошибке вписал ее в графу «забитые мячи». Возможно, но не факт. О чем думал судья, делая запись в протоколе, никто не знает. Но это не столь важно. Сомнений не осталось: Стрельцов в Харькове не забивал, память его не подвела.

Знал ли об этом Есенин? По всей видимости, знал. Он и отчеты о матче читал, и с книгой Стрельцова, несомненно, был знаком, да и с футболистом тоже. Мог уточнить. Не пожелал. Не исключаю конфликта на этой почве у Есенина-статистика с Есениным-лириком. Если и была борьба, недолгая: романтически-поэтическая натура Есенина одержала убедительную победу. Понять Есенина можно, как и других статистиков и историков, продолжающих на основании записи в протоколе отстаивать магическую цифру «100». Ох, как нелегко ее расколдовывать. Для цифроманов это не просто круглая цифра – роскошный, сказочный дворец, шедевр архитектурного творчества. Достань один кирпичик – и никакого великолепия – рухнет, вмиг обратится в хибару, пусть и огромных размеров.

Исследовав эту историю, счел нужным с вами поделиться. Вы, однако, вовсе не обязаны ее выслушивать, а выслушав – уверовать. На вашем месте я так бы и поступил. На своем – не имею права. Повенчавшись с истиной, изменить ей не в силах, даже ради обожаемого мной Стрельцова. Потому и глядят на вас с таблички две уродливые девятки вместо красавицы сотни.

Знакомство

От истинного болельщика ничего не утаишь. Самые информированные, всезнайки, располагались в центре огромной толпы, собиравшейся ежедневно на тбилисском стадионе «Динамо» (как и в других футбольных центрах) возле огромного стенда – турнирной таблицы. Повестка дня традиционная: а) последние известия с мельчайшими подробностями из жизни и быта команды в целом и футболистов в отдельности; б) обсуждение матчей предыдущего тура; в) прогнозы на тур грядущий; г) разное.

На одном апрельском заседании в сезоне 1954 года, накануне прибытия в Тбилиси автозаводцев, новостной блок, вопреки обыкновению, начался с сообщения о появившемся в «Торпедо» вундеркинде, Стрелкове или Стрельникове. До этого Стрельцов (его и имели в виду) сыграл вдаль от Грузии в двух матчах в общей сложности менее тайма. Как могли узнать о нем, да еще и оценить его необыкновенный дар?

Желающих поглазеть на чудо-парня, несмотря на рабочее время (тренировка проходила, не помню точно, в 12 или час дня) и нудный, дождливый апрельский день, оказалось немало. Единственная трибуна запасного поля динамовского стадиона была заполнена. Он сразу бросился в глаза: не по годам рослый, стройный, с длинными сильными ногами. Весь такой чистенький, светленький, голубоглазый, кровь с молоком – красавец-парень, глаз не отведешь. Публика сразу приняла его. На каждое удачное движение Стрельцова – финт, рывок, удар (бил он здорово) – собравшиеся отзывались одобрительными возгласами. Помню, как побежал он за укатившимся к зрителям мячом и оказался в двух-трех шагах от примыкавшей к полю трибуне: так близко никогда больше Стрельцова не увижу. Ему заплодировали. Эдуард зарделся, смущенно улыбнулся и, словно в благодарность за радушный прием (может, так и было), под невероятно острым углом ухнул в дальний верхний угол. Тут же раздался мощный, слившийся воедино многоголосый залп: так приветствовали только своих...

Помню черный, кошмарный июль 52-го. Разум и сердце отторгали весть о постигшей нашу сборную трагедии в игре с югославами. Мы знали твердо: такого быть не может, потому что не может быть никогда – наш футбол лучший в мире. Наверное, диктор что-то напутал, вот-вот последует опровержение. Опровержения не последовало. Вскоре разогнали сборную, многократного чемпиона. Значит, в самом деле проиграли.

Значит, не самые сильные. Так и жил – в полном мраке.

В этом робком, смущающемся юноше, который вдруг вышел к нам из русской сказки, ничего еще не успевшем, ничего не сделавшем, таилась сила необъятная. Не разумом – нутром почувствовал: восходит светило. Он вернул веру и надежду. С этим парнем всех побьем и завоюем страну футболию!

Радужного настроения не омрачила ни грандиозная взбучка дома и в школе (за прогул), ни последовавшие за нею жесткие оргвыводы – времена были суровые. Даже под угрозой исключения, не задумываясь, предпочел бы занятиям в школе торпедовскую тренировку...

Первый и самый юный

На игру Стрельцов вышел под номером «7» – на месте правофлангового. С появлением во втором тайме Вацкевича ушел на левый край. Место в центре еще занимал Гулевский.

Играл Стрельцов не по годам зрело. Был замечен. Запомнились несколько фланговых проходов с нацеленными прострелами в горячие точки. Исполнены были с легкостью необыкновенной. А гол забил классный, с места центрального нападающего. Как-то играючи разобрался с двумя защитниками и мгновенно, будто и не замахивался, пульнул мяч в верхний угол. Товарищи (по воспоминаниям Стрельцова) говорили, что такие мячи трактором из ворот вытаскивают. С тех пор я не упустил случая живописать увиденный мною первый гол Стрельцова. Вот и перед вами расхвастался.

Как оказалось, я стал свидетелем и самого молодого (на то время) гола в истории отечественных чемпионатов. Стрельцов забил 14 апреля 1954 года, когда ему было шестнадцать лет восемь месяцев и двадцать четыре дня. В следующем сезоне с пятнадцатью мячами он стал лучшим бомбардиром – еще один рекорд-долгожитель для восемнадцатилеток. И все же после тбилисского матча осталось чувство неудовлетворенности. Казалось, не сделал он все, что мог. Мне посчастливилось видеть немало стрельцовских матчей, и каждый раз, даже после самых удачных, оставалось ощущение чего-то недосказанного, недоделанного. Колоссальный потенциал раскрыл он разве что наполовину. Но и того, что сделал, вполсилы, вполноги, хватило, чтобы возглавить огромную колонну отечественных футбольных звезд. К этой теме еще вернуться.

В первый же год Стрельцов – в центре внимания. Народ валом валил на юное дарование. Специалисты не спускали с него критического взора, а Гавриил Качалин сразу взял юношу на карандаш и уже в 55-м в первом же матче сборной в Стокгольме поставил Стрельцова в основу. Так он в ней и остался – основным, незаменимым. Тридцать девять матчей провел за сборную, во всех – с первой минуты и до последней, без замен.

Кого он не особо впечатлил, так это своего клубного наставника – Николая Петровича Морозова. Сочиняя после окончания сезона характеристики на своих футболистов, он посвятил Стрельцову такие строки: «Общее физическое развитие хорошее. Технически еще подготовлен плохо. Не поставлен удар (особенно с левой ноги), плохо играет головой, нет экономной остановки мяча... Морально-волевые качества невысокие. Нет

должного трудолюбия в работе...»

Доведись иностранным селекционерам отбирать игроков по составленным Морозовым характеристикам (я их читал), наверняка растаскали бы всю торпедовскую команду, исключая Стрельцова.

Молодой Стрельцов запомнился мощью, взрывным рывком, способностью на спринтерской скорости перекрывать огромные расстояния, сметая на пути к цели все препятствия, убийным ударом... Статистика эти впечатления подтверждает. Почти половина (23 из 48) мячей, забитых в 50-е годы в чемпионатах, стали результатом индивидуальных прорывов, нередко с обводкой двух, а то и трех игроков, включая и вратаря (6 раз), сильным дальним ударом – 25 процентов. Два гола забиты непосредственно со штрафных, один – с пенальти, пять – на опережении и три – на добивании. Примерно те же пропорции в кубковых и международных матчах. В 1/4 финала Кубка с тбилисцами (6:1) Стрельцов забил пять мячей – его личный рекорд. Он трижды обводил всю динамовскую защиту и вратаря и тихонечко закатывал мяч в осиротевшие ворота.

Вообще-то, по собственному признанию, он не любил много забивать, ограничивался одним, максимум двумя мячами, если они обеспечивали победу. Недаром в чемпионатах сделал всего один хет-трик. В опубликованном в «Неделе» интервью поведал допрашивавшему его Эдуарду Церковеру: «Я действительно не любил выигрывать 5:0 или больше: как-то неловко перед соперниками, бьем их почем зря, жалко было.

– Говорите, „жалко“, а сами в пятьдесят седьмом в кубковой игре с тбилисским „Динамо“ забили пять мячей...

– Ну молодой тогда был. Не очень задумывался...»

Из большого числа увиденных мною стрельцовских мячей (9 месяцев обучался в Тбилиси – в школе, затем в вузе, а три летних месяца «работал» в Москве – на «Динамо», с 56-го – по совместительству в Лужниках и ни одного матча с участием Стрельцова не пропустил) – праздничных и будничных, рядовых и решающих, один не идет ни в какое сравнение с сотнями, а может, тысячами вообще мною виденных. Это мяч, забитый 9 апреля 1958 года в Тбилиси куйбышевским «Крыльям». Стадион, хоть свои не играли, был полон. Пришли посмотреть на Стрельцова. Как же им повезло! Торпедовский центр был в тот день в благодушном настроении, но куйбышевские костоломы постоянно проверяли его на прочность. Редко кто видел Стрельцова лежащим на траве. А тут человек сдержанный, не выказывавший на людях страдания, корчился от боли. Картина не для слабых нервами. Арбитр из Сочи Петр Гаврилов в их число не входил: и с нервной системой все у него было в порядке, и с психикой – душераздирающие сцены переносил стоически. Посвистывал через раз, этим и ограничивался. Отчего у форварда за полтора тайма накопилась уйма вопросов. С ними он и обратился к Гаврилову. Стадион замер. До чемпионата мира – два месяца. Стрельцов находился еще в подвешенном состоянии, удаление с поля (к тому дело и шло) означало смертный приговор. Выручил Иванов, словно из-под земли выросший между арбитром и партнером. Богатейшая жестикуляция торпедовского капитана и его страстная, пламенная, раскрепощенная речь (она легко читалась и на расстоянии) сомнений в исходе спонтанно возникшей дискуссии не оставляла. Запись в протоколе: «Удален за пререкания с арбитром (махание рукой)». Иванов превосходно исполнил роль громоотвода. Стрельцов остался на поле.

Куйбышевская защита все же справилась с необыкновенно трудной задачей – вывела из равновесия центрфорварда, на свою голову.

Стартовал он примерно с центральной линии, с места правого полусреднего, сразу включив четвертую скорость. Из глубины последовал длинный пас. Не снижая скорости, Стрельцов неуловимым движением укротил мяч. Вся куйбышевская оборона сгрудилась в районе штрафной, закрывая туда путь. Стрельцов продолжал мчаться по прямой и, достигнув лицевой линии, успел развернуться и с нулевого угла (!) что есть силы «вдарил» в дальнюю «девятку». Согласно земным законам мяч должна была отразить ближняя стойка. Этого не случилось. Следовательно,

удар получился резаным. Об этом можно было только догадываться, так как полет мяча человеческий глаз зафиксировать был не в состоянии.

Рывок, укрощение мяча, дриблинг и удар были исполнены на одном дыхании и заняли от силы секунд 6–7, не больше. Не берусь передать словами реакцию ошалевших трибун. Отчего тогда не запечатлевали на пленку такие шедевры? Пусть полюбовались бы хваленые зарубежные звезды. Расскажешь – не поверят ведь.

«Советский спорт» уделил суперголу (не выношу этого затертого, затасканного слова, но здесь оно к месту – это был штучный товар) одну строку: «Стрельцов отличным ударом вывел команду вперед». Применительно к опальному форварду – высший комплимент.

Сто дней

В течение 97 дней, с 21 июля по 26 октября 1957 года, он в двадцати двух матчах забил тридцать один мяч! Этот период – его открыл наш замечательный статистик Константин Есенин – вошел в историю как сто самых плодотворных дней в деяниях Эдуарда Стрельцова. За это время Стрельцов забил в чемпионате, Кубке и в сборной семнадцать мячей в тринадцати играх. Еще шесть забито в пяти играх в рамках международного турнира Московского фестиваля и восемь мячей – в четырех играх с французскими клубами: один – в Москве и семь – в гостях. Вот такой урожай собрал лучший наш центрфорвард в период, когда гонения на него подходили к пику. Допекли его сильно. Стрельцов в гневе страшен. Вот и разрядился на ни в чем не повинных жертвах.

Наполеона после ста дней правления загнали в ссылку, где он пробыл шесть лет. Ссылка Стрельцова, явная и скрытая, превзошла наполеоновскую на год.

Пас пяткой

Возможно, я переусердствовал в создании образа суперменатарана, вся забота которого только в том и заключалась, чтобы продираться локтями и бить кувалдой. Главное достоинство Стрельцова – безукоризненное понимание игры, футбольный интеллект. Он превосходно чувствовал ритм игры, биение ее пульса, знал, когда и что надо делать, изобретал тончайшие ходы, безукоризненно ассистировал и исполнял заглавные партии. Имею в виду первый период его творчества – 50-е годы. Валентин Козьмич, боевой друг и соратник Стрельцова, соврать не даст. Слово Иванову: «Я забивал не меньше с его передач, чем он с моих. Он создавал столько же выгодных моментов для меня, как я для него. Скажу даже больше: во многом я вырос как игрок благодаря Стрельцову». Ценное признание, достойное большого Мастера. Об этом говорил и Михаил Гершкович, поигравший со Стрельцовым в 60-е. Многие футболисты могли расписаться под этими словами.

Статистика слова Иванова подтверждает. Я насчитал с два десятка результативных передач Стрельцова в первый период его деятельности только в чемпионатах. Из-за скудости газетной информации тех лет не могу указать точную цифру.

То же в кубковых и международных матчах. В трех играх французского турне Иванов с подачи партнера забил четыре гола. А сколько стрельцовских пасов не завершились забитыми мячами, не знает никто. Рождение стрельцовского паса пяткой связывают со временем его возвращения. Еще одно весьма распространенное заблуждение. Изобретен он был еще в 54-м, в год дебюта! До того и после пасы пяткой практиковались и в мировом, и в отечественном футболе, но, как Стрельцов, их никто и никогда не исполнял.

На вопрос журналиста: «Как вы отрабатывали в свое время такой коварный, такой оригинальный пас?» автор ответил: «А я его не отрабатывал. Однажды вдруг выполнил и с того раза стал выполнять. Играли мы в первом круге чемпионата страны пятьдесят шестого года с московскими динамовцами. Никак забить Яшину не могли. И вот перемещаюсь я с мячом вдоль линии штрафной площади, вся динамовская защита параллельно смещается, а Иванов – это я затылком чувствую – остался за моей спиной. Увел я защитников подальше в сторону и пяткой отбросил мяч Кузьме, он и вlepил его в „девятку“... С того дня я стал делать этот пас пяткой».

В данном случае память Стрельцова подвела. (Интервью

проходило в июле 90-го, незадолго до его смерти.) В первом круге 56-го «Торпедо» выиграло 2:0, только Льва Ивановича Стрельцов побеспокоил лично, Иванов в том матче не забивал. Описанный эпизод случился 29 сентября 1954 года.

Отправили Стрельцова отбывать срок с предписанием: «Только на повал или тяжелые работы». Начинал в Вятлаге, в тайге, там же работал на железной дороге такелажником, затем в Электростали на химзаводе. «Потом повезло, – вспоминал Стрельцов, – на строительство домов попал». В общем, намыкался изрядно и где-то по пути дозу радиации прихватил. Добавив к ней в 86-м солидную порцию в Чернобыле, где участвовал в благотворительном матче, ускорил конец. Знал, на что идет, – отказать не мог: «Но ведь уважаешь их – людей», – объяснял, смущаясь, укоротившее жизнь решение.

Футболу в тяжелой лагерной жизни места не находилось. Только в самом начале в Вятлаге сыграл в турнире и получил кубок. Сколько он там наколотил, тюремные статистики не знают. Были еще, видимо, два-три матча. Об одном, в Тульской области, вспоминал в «Комсомолке» бывший зек В. Болохов.

История эта имеет непосредственное отношение к избранной нами теме. Забил в том матче Стрельцов много. Лагерная братва устроила знаменитости жесткую проверку не только его профессиональных качеств... Болохов вспоминает: «В один из дней нашей „транзитки“ и было решено устроить тот памятный футбольный матч. Зекам давно не терпелось увидеть в деле знаменитого Стрельца, о котором, естественно, знали лишь понаслышке. Стрельца поставили в специально подобранную команду, игроки которой если и видели футбольный мяч, то, может быть, в кино... В противоборствующей команде оказались видевшие если не футбольные, то тюремно-лагерные виды, точно. Короче, знаменитости предстояла недвусмысленная и жестокая проверка делом, ибо кто-кто, а уж зеки, как никто, соответствуют известному присловию: „Не пощупаю – не поверю“...

Эдуард обо всем, конечно, догадывался. Поначалу виновато трусил по шлаковому газону, в штрафную противника шел неохотно. Его то и дело старались „подковать“ или взять в коробочку чуть ли не полкоманды профессиональных амбалов. Короче, досталось изрядно. К концу первого тайма в его ворота накидали чуть ли не с десятков сухих голов.

Тысячная толпа болельщиков свистела и глумилась над бывшей гордостью союзного и мирового футбола. И Эдик наконец разозлился... „Стрелец попер в дурь“. Его держала вся десятиглавая и двадцатиногая орава соперника. Но Эдик пер, воистину, как танк... И забивал. И забивал. К концу второго тайма вся зона редела одно слово: „Стре-лец! Стре-лец!“ Говорят,

за зоной подумали, что начался бунт. В результате в поселке вольняшек случился переполох. Потом катались от смеха все. И пожарные, и отпускные вохровцы, сдуру поднятые по тревоге. Когда закончилась игра, Эдика качала вся тысячерукая зона...».

Карантин. 1963-1964

Официальная власть и подвластная ей пресса сторонились Стрельцова после его освобождения, как чумного. Играть за «Торпедо» даже в тренировочных, товарищеских матчах ему не разрешали. Запрет, однако, нет-нет – да нарушался. Аркадий Вольский не раз рассказывал, как, идя навстречу пожеланиям трудящихся города Горького, разрешил на свой страх и риск сыграть Стрельцову в товарищеском матче с местным «Торпедо», из-за чего у парткома автозавода возникли серьезные неприятности с секретарем ЦК Леонидом Ильичевым.

Игра в Горьком оказалась не единственной. Вскоре (25 июля 1963 года) Стрельцов показался в составе «Торпедо» в Одессе. Хотя матч с «Черноморцем» был товарищеский, уделим и ему внимание – Стрельцов забил там потрясающий гол. Рассказ очевидца, известного журналиста Аркадия Галинского, привожу с небольшими сокращениями: «...в вольном городе Одессе игру Стрельцова видеть хотели – и увидели!.. О том, что одесская публика имеет возможность увидеть игру Эдуарда Стрельцова, местное радио сообщило в тот день несколько раз. „И свыше сорока тысяч зрителей, пришедших на стадион, не ошиблись в своих надеждах, – писала газета „Черноморская коммуна“. – На 12-й минуте счет был 2:0 в пользу гостей. Центрфорвард „Торпедо“ Э. Стрельцов дважды заставил голкипера „Черноморца“ Б. Разинского вынуть мяч из сетки. Первый гол Стрельцов забил со штрафного, а второй направил в ворота ударом с хода – столь же сильным, сколь и неотразимым“.

Это волшебство мне не забыть никогда. Мяч был положен примерно метрах в восемнадцати от ворот и почти прямо против них. Одесситы выстроили „стенку“, прикрывая левую от голкипера сторону. Арбитр, как обычно, суетился, делая вид, что намерен отодвинуть игроков на положенные девять метров. В конце концов метрах в пяти от мяча „стенка“ пятиться перестала. Стрельцов разбежался и ударил. После чего мяч исчез из поля зрения. Где же он? Судья побежал к воротам, и тут, наконец, все увидели мяч. Он лежал в боковой сетке левой от вратаря стойки. Но ведь мяч над „стенкой“ не пролетал. Значит, он каким-то образом ее обогнул – сбоку, низом? Ах, так вот почему и московские, и одесские игроки, когда мяч был вынут из сетки, буквально облепили Эдика...

Я видел тысячи забитых мячей, сотни из них описывал в отчетах подробно, но этот гол поражает воображение и поныне. После матча в автобусе прошу Стрельцова объяснить мне

произошедшее: „Одесситы, – говорит Стрельцов, – „стенку“ выстроили неважно, поскольку дальний от вратаря угол был не совсем прикрыт. Я подумал, бить надо туда прямо, с подъема, а главное – быстро, как только судья отойдет. И уже стал разбегаться, когда „стенка“ сдвинулась и закрыла стойку: видно, Разинский подсказал. Словом, шансов никаких, но не останавливаться же! Вот на ходу и решил резать по самому краю мяча, и как можно сильнее, да стопу навалить покруче“».

В дополнение к рассказу Галинского привожу воспоминания игрока «Торпедо» Михаила Посуэло: «...тот матч начался на тридцать минут позже. Народ приветствовал Стрельцова стоя. Ему несли подарки, фрукты, цветы... Эдик получил мяч у центра поля, протащил его по правой стороне почти до углового флажка... Причем висевший на нем защитник буквально срывал с Эдика футболку. И он выдал мне пас прямо на одиннадцатиметровую отметку... Оставалось только ногу подставить. И это он сделал после стольких потерянных лет! Чтобы говорили о Стрельцове, если бы не эти годы...»

Чудо. 1965-1968

Александр Нилин писал о Стрельцове: «Воздействие его на нас я бы сейчас назвал гипнозом индивидуальностью, магией ожидания чего-то невозможного». Стрельцова часто сравнивали с былинными героями, сказочными персонажами. Не стоило сравнивать – таковым он и являлся. Этот парень явился к нам из страны чудес. То, что сделал Стрельцов, не имеет аналогов в истории мирового футбола. Потерять семь лучших для футбола лет (пять из них – не на курорте) и затем, вернувшись, сыграть на качественно ином, более высоком уровне, восстановить членство в сборной, стать сильнейшим в клубе и в стране, причем дважды подряд, задача для простых смертных нереальная. Как бы выглядели Пеле с Марадоной, хлебнув баланды из стрельцовой чаши, даже отсидев половину или треть его срока (только не в своей – в нашей зоне), представить не сложно.

Уже сам факт возвращения после пяти лет тюрьмы и семи лет отлучения от большой игры стал чудом. Задача осложнялась еще и тем, что вернулся он в иной футбол.

Ушел Стрельцов в 58-м из культивируемого на наших полях на протяжении двух десятков лет «дубль-вэ». Время его отсутствия совпало с бурной эволюцией мирового футбола. В течение нескольких лет «дубль-вэ» сменила бразильская система 4+2+4, трансформированная через четыре года в 4+3+3. Вернулся он в преддверии рождения новой тактической схемы, над которой независимо друг от друга колдовали в своих лабораториях Виктор Маслов в Киеве и Альф Рамсей в Лондоне (4+4+2), задумавшие завладеть плацдармом в центре поля и отказаться от фланговых форвардов.

Стрельцова можно сравнить с охотником на мамонтов, который, минуя две общественно экономические формации, оказался вдруг в развитом капитализме. Получилась советская киноверсия «Тарзана в Нью-Йорке» с Эдуардом Стрельцовым в главной роли.

Попав в незнакомую языковую среду, Стрельцов обнаружил выдающиеся лингвистические способности – освоил незнакомый язык по им же составленным учебникам ускоренного обучения. Вникая во все тонкости и нюансы, он вскоре стал изъясняться так грамотно и бегло, что аборигены не всегда понимали, что от них хотят: «П-п-помедленнее, пожалуйста», – просили они пришельца. Помедленнее во все убыстряющемся футболе изъясняться было невозможно. Пришлось организовать языковые курсы без отрыва от производства – непосредственно на поле обучать партнеров

футбольным премудростям. Еще одно чудо, подвластное разве что стрельцовскому гению.

Как не вспомнить слова Йохана Кройфа: «Я не верю в заученные комбинации, тем более многоходовые, заготовленные тренерами. Живая тактика та, которую умело творит игрок оперативно, сиюминутно, улавливая игровую обстановку и своевременно реагируя на нее». Это он о Стрельцове, сам того не ведая.

«Само присутствие Стрельцова на поле и стиль игры обеспечивают команде численное превосходство на любом участке», – произнес знаменитый Эленио Эррера, восхищенный безукоризненным искусством паса (кто-то назвал их меткими, как афоризмы) тридцатилетнего Стрельцова.

На вопрос «Что вы цените в футболе?» – Стрельцов ответил не задумываясь: «Мысль». И пояснил на игровом примере: «Пока у меня мяч, я множество деталей должен заметить – откуда собирается двинуться защитник, под какую ногу партнеру лучше послать мяч, как мои партнеры расположены относительно ворот соперника, как смогут они продолжить комбинацию. В каждой игровой ситуации свои тонкости – и всю эту информацию ты должен обработать за долю секунды». Ходячий компьютер. Такие и сейчас не производят. Одно дело все видеть и решение принять, другое – исполнить задуманное. И с этим проблем не возникало. Ходы делал тонкие, неожиданные, не столько для чужих, сколько для своих. «Слева готов открыться партнер, справа – готов. Все ждут, что отдам вправо. И соперник ждет. И я хочу отдать вправо. Делаю вид, что так и поступаю, а отдаю влево».

Вернувшись, Стрельцов совершил огромный скачок в постижении сложной футбольной науки. Бытует мнение, что стал он иным не по доброй воле. Потеряв юношескую прыть, скорость и убойную силу, вынужден был играть на поле в шахматы. Внешне такое впечатление складывалось. Вот только цифры его опровергают. Стрельцов по-прежнему умел все и добротнo делал все, что умел. Разве что чуть сместил акценты. После индивидуальных прорывов с препятствиями и без забито двенадцать мячей. Меньше, чем в молодые годы, и все же. На опережении забил четырнадцать мячей против шести в 50-е годы, удачно добивал три раза, дважды забил головой. Четырнадцать раз (двенадцать – в 50-е) пробивал стражей сильными дальними ударами, пять раз (два в молодости) – со штрафных, а результативных передач совершил вдвое больше, нежели в молодые годы.

В подтверждение к сказанному несколько фрагментов из «Книги о вкусной и здоровой пище». Раздел «Деликатесы»:

1) 15.09.65. «Шахтер» Донецк (1:0). Технично принял в центре поля верховой мяч, прокинул себе на ход и рванул по прямой к воротам. Обошел на большой скорости благодаря обманным движениям телом защитников, вышел один на вратаря и, не сближаясь с ним, с ходу пробил из-за штрафной площади сильно в угол.

2) 22.08.66. «Динамо» Киев (2:0). Обманул Круликовского, затем Соснихина, уложил вратаря Банникова и тихо, расчетливо закатил мяч в дальний нижний угол.

3) 15.05.67. ЦСКА (2:1). Стоя спиной к воротам, принял мяч на грудь и с разворота пробил под перекладину.

4) 04.10.67. «Мотор» ГДР (1:0). Щербаков низом сделал пас Стрельцову. Он подрезал мяч таким образом, что тот поднялся вверх, перелетел через защитника и вновь опустился в ноги набегавшему форварду, с лета пробившему в нижний угол.

А какой пенальти забил в 68-м ЦСКА с места, без разбега – пальчики оближешь! Примеров уйма.

И уважать себя заставил

Его нельзя было не заметить, не оценить, не полюбить. Сам он к тому не прилагал никаких усилий, и пальцем не шевельнул. Но своего добился – прорвал блокаду враждебности и отчуждения, растопил ледяные глыбы.

Осенью 66-го, увы, после чемпионата мира, был возвращен в сборную. Осенью 67-го (любимое им время года) поступило официальное сообщение: «Постановлением президиума Центрального Совета Союза спортивных обществ и организаций СССР Стрельцову Э. А. присвоено звание заслуженного мастера спорта». Небольшая деталь: не восстановили отобранное ранее звание, а присвоили заново, вторично. Восприняли такое решение как оскорбительное для мастера. А мне видится в этом добрый знак. Были же у нас дважды и даже трижды Герои Советского Союза. Так вот, начальники, сами того не желая, сделали Стрельцова единственным в стране дважды заслуженным мастером спорта.

Наконец, два года подряд, в 67-м и в 68-м, еженедельник «Футбол» признал его лучшим футболистом страны. Победил Стрельцов оба раза с колоссальным преимуществом. Без вопросов.

Кто же еще?

«Стрельцов – лучший в отечественном футболе», – выразил я давеча мнение, возможно, не бесспорное, не профессиональное – болельщицкое, а потому в какой-то степени субъективное (как и любое другое – не изобрели еще прибора для определения меры таланта). Что ж, сказав, должен держать ответ.

Главный довод оппонентов – видимая пассивность форварда, длительные производственные простои. Случалось и такое. Театроведы, говоря о достоинствах актера, выделяют его умение держать паузу. Красноречиво молчать – большое искусство. Стоять, как Стрельцов, не умел никто. Он ни на секунду не отключался. Стоял в позе главнокомандующего, все видящего, все знающего, владеющего ситуацией, способного вмиг на нее повлиять. Два-три эпизода (иногда и один) с непосредственным участием Стрельцова могли оказаться (и часто оказывались) решающими для судеб игры. От его пауз толку было неизмеримо больше, нежели от непрерывной беготни иных пахарей, особо почитаемых в тренерском цехе. Кроме того... А вы, уважаемые оппоненты, пробовали с врожденным плоскостопием, после каждодневных многоразовых тренировок еще и в турнирных матчах по полю носиться, когда не то чтобы бегать, ступать больно. То-то.

О достоинствах этого уникального футболиста сказано немало. Уникально и совершенное им после вынужденного многолетнего простоя. Никто на такое не был способен. Жизнь не терпит сослагательного наклонения? Допустим.

О величии спортсмена следует судить не по тому, что он не сделал, не успел сделать или сделал плохо, а по тому, что совершил. Просмотрите, если есть возможность, видеозаписи матчей Пеле на чемпионатах мира. Знаете, сколько выдал он неточных пасов, мазал из верных позиций? Лучше и не знать. Кто об этих ляпах помнит? Зато в памяти осталось все то, что удавалось только ему, отличало его от других и возвышало над ними. То же можем сказать и о Стрельцове. Его часто сравнивали с великолепным Бобровым, имея в виду рывки, прорывы, удары, то, чем в совершенстве владел Бобров и в чем не было ему равных. Но на Боброва играла вся команда – он того требовал. Мяч отдавал только для того, чтобы, вырвавшись на простор, тут же получить обратно. Стрельцов играл значительно разнообразнее, и этим он больше походил на Григория Федотова. Однако известная фраза Григория Ивановича, не раз обернувшаяся вокруг Земли: «Я тоже играл, но как ты, Эдик,

играешь...», снимает все вопросы. Кто же еще?

Стрельцов мог играть в любой футбол, в любой стране, во все времена.

В сборной он сразу стал своим и уже в дебютном матче со шведами (6:0) сделал хет-трик примерно за месяц до совершеннолетия. Сделал в Стокгольме на стадионе «Росунда» команде, которая через три года на том же поле станет вице-чемпионом мира. Не видать шведам медалей, попади в 58-м Стрельцов в Стокгольм (наши уступили в 1/4 финала ЧМ хозяевам – 0:2).

Насколько лоялен он был к своим (помните, жалел, не любил обыгрывать крупно), настолько суров к иноземцам. Частенько обыгрывал их с разгромным счетом – от 4:0 до 10:0 и 11:1. Со своими в чемпионатах только раз позволил себе забить три мяча, с иностранцами – трижды (рекорд сборной СССР). И во втором матче за сборную повторил свой трюк. Итак, два хет-трика подряд: один – в первом выездном матче, второй – в первом домашнем: в Москве с индусами. На сей раз исполнил партию не соло, а дуэтом с тридцатилетним Сергеем Сальниковым. Веселенький концерт устроили они перед московской публикой, впервые увидевшей трюк (причем сразу два) своей сборной.

Последний хет-трик Стрельцов продемонстрировал через 12 лет в Сантьяго. Было ему тогда тридцать лет и пять месяцев. Мог стать исполнителем самого молодого и самого старого хет-триков, если бы не опередил Никита Симонян, совершивший в 57-м в Хельсинки единственный свой трюк за сборную. Было ему тогда тридцать лет и десять месяцев.

Голы Стрельцова в национальной команде обладали огромной магической силой, защищали от «порчи». Забивал он в семнадцати матчах, итог – четырнадцать побед и три ничьи.

Стрельцова часто обвиняли в пассивности и даже в безволии. В Лейпциге, в ноябре 57-го, играя с серьезной травмой, он являл собой образец воли и мужества. Несколько строк из отчета о той встрече: «Эдуард сильно хромает, бегать почти не может», «Стрельцов, несмотря на травму, медленно, прихрамывая, приближался и в напряженный момент яростно вступал в борьбу за мяч».

Тогда и забил он, пожалуй, самый важный гол за сборную, добавив к тому и результативную передачу. Наши выиграли 2:0 и вышли в финальную часть мирового чемпионата. После матча счастливый Качалин воскликнул: «Эдик, ты никогда так здорово на двух ногах не играл, как сегодня на одной!»

Немного статистики

К тому, что изобразил в таблицах, добавить нечего. Пережевывать цифры не стану, дабы не лишать вас огромного удовольствия поколдовать над ними вдоль и поперек – по вертикали и горизонтали, если кто сможет, и по диагонали.

Обращу ваше внимание только на два момента. Один – забавный, символический. Первый и последний гол в чемпионатах забил Стрельцов в столице Грузии одной и той же команде – тбилисскому «Динамо». И в итоге больше всего назабивал именно тбилисцам – четырнадцать (9 – в чемпионатах и 5 – в Кубке). За пределами Москвы чаще всего отличался в играх чемпионата тоже в Тбилиси – семь раз (5 забил местным футболистам и по одному – командам из Горького и Куйбышева). Вот такие у него были пристрастия.

И второе. Стрельцов – футболист без комплексов, один из немногих, кто чаще (с иногородними командами) забивал в гостях. Из шести хет-триков в составе клуба и сборной (включая два трюка в Париже лучшим французским командам) пять сотворил на выезде.

Статистики в статистическом материале (по крайней мере, таким он задумывался) и в самом деле получилось немного – оказалась она на сей раз в своем же доме на положении пасынка. Не считаю зазорным признавать свои оплошности и ошибки. Но в данном случае вины моей нет. Во всем случившемся виновен Эдуард Стрельцов, чей многогранный талант вынудил разрушить незыблемые законы жанра.

Таблицы

Турниры	К	С	Ч	Н
Чемпионат СССР	99	32	38	29
Кубок СССР	15	9	2	4
Спартакиада народов СССР	1	1	0	0
Сборная СССР	25	8	14	3
Еврокубки	3	0	3	0
<i>Итого</i>	143	50	57	36

Соперники	К	С	Ч	Н
Болгария	4	0	3	1
Швеция	3	0	3	0
Индия	3	3	0	0
Чили	3	0	3	0
Франция	2	1	1	0
Финляндия	2	0	2	0
Дания	1	0	1	0
ФРГ	1	0	1	0
Румыния	1	1	0	0
Венгрия	1	0	1	0
Польша	1	0	0	1
ГДР	1	1	0	0
Австрия	1	1	0	0
ОКГ	1	0	0	1

	Всего				Чсм-т СССР				Кубок СССР			
	К	С	Ч	Н	К	С	Ч	Н	К	С	Ч	Н
Динамо Тб	14	9	5	0	9	4	5	0	5	5	0	0
ЦСКА	11	0	0	11	9	0	0	9	2	0	0	2
Зенит Л-д	10	6	4	0	9	6	3	0	1	0	1	0
Динамо К	9	4	5	0	9	4	5	0	-	-	-	-
Динамо Мн	9	3	5	1	9	3	5	1	-	-	-	-
СпартакМ	7	0	0	7	7	0	0	7	-	-	-	-
Шахтер Д	6	3	3	0	6	3	3	0	-	-	-	-
Черноморец Од	6	2	2	2	4	2	2	0	2	0	0	2
Торпедо Кт	5	2	3	0	5	2	3	0	-	-	-	-
Кр. Советов Кб	5	2	2	1	5	2	2	1	-	-	-	-
Динамо М	4	0	0	4	4	0	0	4	-	-	-	-
Локомотив М	4	0	0	4	4	0	0	4	-	-	-	-
Пахтакор Тш	3	2	1	0	3	2	1	0	-	-	-	-
СКА Од	3	0	3	0	3	0	3	0	-	-	-	-
ОДО Св	3	0	1	2	3	0	1	2	-	-	-	-
Молдова Кш	2	0	2	0	2	0	2	0	-	-	-	-
СКА Р-Д	2	1	1	0	2	1	1	0	-	-	-	-
КайратА-А	2	2	0	0	1	1	0	0	1	1	0	0
Трактор Вг	2	2	0	0	-	-	-	-	2	2	0	0
Торпедо Г	1	0	0	1	1	0	0	1	-	-	-	-
Тр. резервы Л-д	1	0	1	0	1	0	1	0	-	-	-	-
Адмиралтеец Л-д	1	1	0	0	1	1	0	0	-	-	-	-
Арабат Ер	1	0	1	0	1	0	1	0	-	-	-	-
Нефтьчи Б	1	1	0	0	1	1	0	0	-	-	-	-
Кузбасс Кем	1	1	0	0	-	-	-	-	1	1	-	-
Нефтяник Ферг	1	0	1	0	-	-	-	-	1	0	1	0

Условные обозначения: К – количество забитых мячей, С – свое поле, Ч – чужое поле, Н – нейтральное поле, ОКГ – Объединенная команда Германии

Дата	Т-р	Город	Соперники	Счет	Голы
14.04.54	Ч	Тбилиси	Динамо Тб	1:2	1
18.04.54	Ч	Тбилиси	Торпедо Г	3:1	1
03.05.54	Ч	Москва	Локомотив М	1:0	1
25.07.54	Ч	Москва	Динамо Тб	2:2	1
17.04.55	Ч	Киев	Динамо К	3:1	2
02.05.55	Ч	Минск	Спартак Мн	3:2	1
15.05.55	Ч	Сталино	Шахтер Ст-о	1:1	1
23.05.55	Ч	Москва	Кр. Советов Кб	2:1	1
13.06.55	Ч	Ленинград	Зенит Л-д	2:2	1
18.06.55	Ч	Тбилиси	Динамо Тб	1:3	1
26.06.55	Т	Стокгольм	Швеция	6:0	3
31.07.55	Ч	Москва	Спартак Мн	1:1	1
30.08.55	Ч	Москва	Спартак М	4:3	1
04.09.55	Ч	Москва	Динамо К	5:2	2
09.09.55	Ч	Москва	Динамо Тб	1:1	1
13.09.55	Ч	Москва	Зенит Л-д	4:1	2
16.09.55	Т	Москва	Индия	11:1	3
04.10.55	Ч	Куйбышев	Кр. Советов Кб	1:0	1
23.10.55	Т	Москва	Франция	2:2	1
25.04.56	Ч	Харьков	ОДО Св	4:0	2
17.05.56	Ч	Москва	Динамо М	2:0	1
23.05.56	Т	Москва	Дания	5:1	1
27.05.56	Ч	Ленинград	Зенит Л-д	3:1	1
19.06.56	Ч	Москва	Локомотив М	1:1	1
24.06.56	Ч	Свердловск	ОДО Св	2:2	1
22.07.56	Ч	Москва	Спартак М	1:2	1
13.08.56	Сп	Москва	Ленинград	3:2	1
19.08.56	Ч	Москва	Динамо М	2:3	1
26.08.56	Ч	Москва	ЦДСА	2:4	1
15.09.56	Т	Гановер	ФРГ	2:1	1
01.10.56	Ч	Ленинград	Тр.резервы Л-д	1:4	1
10.10.56	Ч	Москва	Зенит Л-д	3:1	1
14.10.56	Ч	Москва	Шахтер Ст-о	2:1	1
24.11.56	ОИ	Мельбурн	ОКГ	2:1	1
05.12.56	ОИ	Мельбурн	Болгария	2:1	1
06.04.57	Ч	Кишинев	Буревестник Кш	2:0	1
11.04.57	Ч	Одесса	Спартак Мн	1:0	1
14.05.57	Ч	Ленинград	Зенит Л-д	5:1	1
20.05.57	Ч	Москва	ЦСК МО	3:5	1

Дата	Т-р	Город	Соперники	Счет	Голы
01.06.57	Т	Москва	Румыния	1:1	1
15.07.57	Ч	Москва	Кр.Советов Кб	1:1	1
21.07.57	Т	София	Болгария	4:0	2
15.08.57	ЧМ	Хельсинки	Финляндия	10:0	2
20.08.57	Ч	Минск	Спартак Мн	2:2	2
24.08.57	К	Ленинград	Зенит Л-д	3:1	1
01.09.57	Ч	Москва	Динамо Тб	5:1	1
06.09.57	Ч	Москва	Динамо К	5:1	1
09.09.57	К	Москва	Динамо Тб	6:1	5
22.09.57	Т	Будапешт	Венгрия	2:1	1
26.10.57	Ч	Сталино	Шахтер Ст-о	4:0	2
30.10.57	Ч	Москва	Зенит Л-д	2:0	1
24.11.57	ЧМ	Лейпциг	Польша	2:0	1
29.03.58	Ч	Кишинев	Молдова Кш	3:1	1
09.04.58	Ч	Тбилиси	Кр.Советов Кб	2:2	1
16.04.58	Ч	Тбилиси	Динамо Тб	6:1	1
28.04.58	Ч	Москва	Адмиралтеец Л-д	4:1	1
02.05.58	Ч	Москва	Спартак М	3:3	1
10.07.65	Ч	Москва	Динамо Мн	2:1	2
19.07.65	Ч	Москва	Локомотив М	3:1	1
24.07.65	Ч	Москва	Черноморец Од	1:0	1
15.09.65	Ч	Москва	Шахтер Д	1:0	1
20.09.65	Ч	Киев	Динамо К	2:3	2
23.10.65	Ч	Тбилиси	Динамо Тб	1:1	1
04.11.65	Ч	Москва	Пахтакор Тш	4:0	1
12.11.65	Ч	Кутаиси	Торпедо Кт	3:1	2
15.11.65	Ч	Одесса	Черноморец Од	2:1	1
26.04.66	Ч	Москва	ЦСКА	2:0	1
14.06.66	Ч	Москва	Динамо Тб	1:1	1
19.06.66	Ч	Минск	Динамо Мн	1:0	1
28.06.66	Ч	Москва	Торпедо Кт	2:2	2
19.07.66	Ч	Одесса	СКА Од	4:1	3
01.08.66	Ч	Москва	Зенит Л-д	3:0	1
22.08.66	Ч	Москва	Динамо К	2:0	1
26.08.66	К	Москва	Трактор Вг	3:1	2
04.09.66	К	Москва	Кайрат А-А	2:1	1
09.09.66	Ч	Москва	ЦСКА	2:1	1
07.10.66	К	Ленинград	Черноморец Од	3:0	2
23.10.66	Т	Москва	ГДР	2:2	1

Дата	Т-р	Город	Соперники	Счет	Голы
13.11.66	Ч	Москва	Кайрат А-А	3:0	1
02.05.67	Ч	Москва	Спартак М	3:1	1
15.05.67	Ч	Москва	ЦСКА	2:1	2
03.06.67	Т	Париж	Франция	4:2	1
11.06.67	ЧЕ	Москва	Австрия	4:3	1
15.06.67	Ч	Москва	Нефтчи Б	3:1	1
07.07.67	К	Москва	Кузбасс Кем	4:0	1
08.10.67	Т	София	Болгария	2:1	1
11.11.67	Ч	Р/Д	СКА Р-д	1:0	1
19.11.67	Ч	Ташкент	Пахтакор Тш	1:1	1
17.12.67	Т	Сантьяго	Чили	4:1	3
14.04.68	Ч	Кутаиси	Торпедо Кт	4:3	1
28.05.68	Ч	Москва	Динамо М	5:3	2
01.06.68	Ч	Москва	ЦСКА	2:0	1
11.06.68	Ч	Москва	Зенит Л-д	1:1	1
20.06.68	Ч	Киев	Динамо К	1:2	1
24.06.68	Ч	Одесса	Черноморец Од	2:2	1
28.06.68	К	Фергана	Нефтяник Ферг	2:0	1
03.07.68	Ч	Москва	Локомотив М	1:1	1
08.07.68	Ч	Москва	Спартак М	5:1	2
23.07.68	К	Москва	ЦСКА	2:2	1
24.07.68	К	Москва	ЦСКА	2:1	1
15.08.68	Ч	Москва	Шахтер Д	1:0	1
22.08.68	Ч	Куйбышев	Кр.Советов Кб	2:0	1
05.09.68	Ч	Москва	СКА Р-д	2:0	1
10.09.68	Ч	Москва	Пахтакор Тш	2:1	1
22.09.68	Ч	Москва	ЦСКА	3:0	2
04.10.68	КК	Цвиккау	Мотор (ГДР)	1:0	1
10.10.68	Ч	Минск	Динамо Мн	3:0	1
21.10.68	Ч	Москва	Черноморец Од	2:0	1
31.10.68	Ч	Москва	Спартак М	3:3	1
12.11.68	Ч	Ереван	Арарат Ер	1:1	1
16.11.68	Ч	Тбилиси	Динамо Тб	2:2	1
30.11.68	КК	Трнава	Спартак (ЧССР)	3:1	2

Условные обозначения: Т-р – турнир, Ч – чемпионат СССР, К – Кубок СССР, Т – товарищеская встреча, Сп – Спартакиада народов СССР, ОИ – Олимпийские игры, ЧМ – чемпионат мира, ЧЕ – чемпионат Европы, КК – Кубок кубков.

Вместо заключения.

Вновь открывшиеся обстоятельства

Председатель оргбюро Общественного Стрельцовского комитета Эдвард Максимовский убежден, что великий футболист, приговоренный в 1958 году к тюремному заключению, должен быть реабилитирован.

За несколько десятков лет в высшие юридические инстанции поступило 16 обращений относительно дела Стрельцова, все ответы на которые были отрицательными. Тем не менее Общественный Стрельцовский комитет направил недавно 17-е в надежде на то, что российская фемида все же вернет доброе имя кумиру миллионов поклонников футбола.

Ранние обращения скорее были эмоциональным порывом видных общественных деятелей, а не юридически аргументированными документами, выражения типа «приговор слишком суровый» и «она сама виновата» не могут стать предметом серьезного рассмотрения. Прокуратура не выдумывает законы и не занимается их толкованием. Ее задача – надзор за исполнением законодательства. Многие обращения вообще не могли рассматриваться в прокуратуре, так как направлялись хотя и очень известными, прославленными, но юридически не имевшими права просить о пересмотре приговора людьми. А вот предприятия, организации вправе обращаться с такими ходатайствами. Это предусмотрено Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР. Прямо скажем, меня удивило, почему для обращений не была использована эта простая норма. Ответ вижу только один – страх коллективной ответственности в советские времена.

Для работы по делу Стрельцова мы создали принципиально новую методику. Это была чисто кабинетная работа, которая не требовала встреч с еще живыми участниками того процесса. Из текста уголовного дела, а он полностью напечатан в моей книге, выбрали цитаты, либо полностью опровергающие обвинения Стрельцову, либо создающие очень серьезные сомнения в достоверности выводов суда. И получили поразительные результаты, подчистую опровергающие приговор. В приговоре «Судебная коллегия установила: подсудимый... изнасиловал гражданку Л.» Но в ее показаниях на следствии не просто путаница, а прямые противоречия. Цитата: «Я слышала чье-то еще прерывистое дыхание, дыхание человека, который находился в этой же комнате... На полу лежал К.»

Я привел только одну цитату из многих десятков, обнаруженных нами в деле, чтобы все поняли – именно Стрельцов нужен был суду. Однако свое обращение в Генпрокуратуру мы строим не на доказательствах невиновности Стрельцова. Выводы суда прямо не соответствуют самим материалам судебного процесса. Сравните текст приговора и наше заключение (орфография и пунктуация документов сохранены).

ПРИГОВОР

«23-24 июля 1958 г. Судебная коллегия по уголовным делам Московского областного суда рассмотрев в закрытом судебном заседании в гор. Москве дело по обвинению:

СТРЕЛЬЦОВА Эдуарда Анатольевича, 1937 года рождения
УСТАНОВИЛА:

Подсудимый Стрельцов, будучи в нетрезвом состоянии, в ночь с 25 на 26 мая на даче Караханова на ст. Правда Мытищинского района Московской области, изнасиловал гр. Лебедеву.

Находясь с гр. Лебедевой в отдельной комнате, Стрельцов начал к ней приставать, требовать вступления с ним в половую связь. Получив категорический отказ, Стрельцов решил овладеть гр. Лебедевой силой.

Лебедева оказывала физическое сопротивление, кричала о помощи, но Стрельцов зажал ей рот, при этом Лебедева прокусила ему палец на руке.

После этого, Стрельцов избил Лебедеву, ударами кулака причинил ей легкие телесные повреждения, с расстройством здоровья. Когда Лебедева впала в бессознательное состояние Стрельцов ее изнасиловал.

Кроме того, в ночь с 8 на 9 ноября 1957 года Стрельцов, будучи в состоянии опьянения учинил хулиганские действия – ворвался в квартиру № 3 дома № 15 по Крутицкому валу, ломал там дверь, пытаясь проникнуть в комнату семьи Спициных и выражался нецензурной бранью, за что был доставлен в отделение милиции-93. По пути следования в отделение милиции Стрельцов выражался нецензурными словами, оскорблял задержавших его работников милиции. Вина Стрельцова в указанных выше преступлениях доказана его личными показаниями на предварительном следствии и в судебном заседании, в которых он признал себя виновным в изнасиловании Лебедевой и в нанесении ей легких телесных повреждений.

Показаниями потерпевшей Лебедевой и свидетелей Ефимовой, Тимашук и Огонькова, слышавших крик Лебедевой, взывавшей о помощи.

Заключением судебно-медицинской и биологической экспертиз, показаниями свидетелей Спициной А. И., Спицина И. Л.,

Алистратова Д. П. и Жужакина А. В., подтвердивших факт учинения Стрельцовым хулиганских действий в квартире Синициных и в пути следования в отделение милиции, а также другими материалами дела.

Таким образом Стрельцов совершил преступления, предусмотренные ст. ст. 74 ч. 2, 143 ч. 1 УК РСФСР и ч. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 года „Об усилении уголовной ответственности за изнасилование“.

Ввиду изложенного и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР, судебная коллегия по уголовным делам

ПРИГОВОРИЛА:

Стрельцова Эдуарда Анатольевича подвергнуть по ст. 74 ч. 2 УК РСФСР лишению свободы на три года;

– по ст. 143 ч. 1 УК РСФСР лишению свободы на один год и

– по ч. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 года лишению свободы на 12 (двенадцать) лет без поражения в правах, а по совокупности преступлений, на основании ст. 49 УК РСФСР лишению свободы на 12 (двенадцать) лет без поражения в правах.

Председательствующий – Д. ГУСЕВ»

ВЫВОДЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРЕЛЬЦОВСКОГО КОМИТЕТА

Эти вновь открывшиеся обстоятельства способны повлечь отмену необоснованного приговора.

Пункт 1

В 1957 году Стрельцов был обвинен в хулиганских действиях – ст. 74 ч. 1 УК РСФСР. Предварительное следствие было прекращено ввиду отсутствия состава преступления и примирения сторон. В 1958 году Стрельцову было предъявлено обвинение в изнасиловании. Решением Следственного Комитета Прокуратуры СССР эпизод 1957 года с изменением квалификации на ст. 74 ч. 2 УК РСФСР и уголовное дело 1958 года были объединены. Исходя из того, что уголовное дело 1957 года было прекращено в стадии предварительного следствия и в связи с примирением сторон, последующее возобновление дела является незаконным. Тем более, что переквалификация обвинения на ч. 2 ст. 74 обязательно требует выявления новых обстоятельств, ранее не известных следствию. Такие обстоятельства в постановлении Следственного Комитета не приведены.

Постановление Следственного Комитета Прокуратуры СССР подлежит отмене как незаконное. Данный эпизод должен быть исключен из приговора.

Пункт 2

На судебно-медицинскую экспертизу был направлен биологический материал подозреваемого и свидетеля К. Вывод

экспертизы – тот и другой биоматериал мог принадлежать человеку с группой крови 0/1, т. е. в равной степени Стрельцову и свидетелю К. Эксперты не указывают именно на Стрельцова. Следствие и суд вписывают в обвинительное заключение и приговор: «Вина Стрельцова доказывается заключением экспертизы».

Эксперты при совпадении факторов крови обязаны были провести дополнительное исследование на выявление иных особенностей крови. На экспертизу должны быть направлены не только слюна свидетеля К, но и его кровь. Не была сделана спермограмма. Эксперты также обязаны были исследовать телесные повреждения потерпевшей с целью выявления механизма их образования. Так, на животе потерпевшей были обнаружены явные следы укуса зубами.

Обвиняя Стрельцова, суд руководствовался только своим личным предположением, игнорируя вывод экспертизы, что биоматериал, обнаруженный на белье потерпевшей, мог в равной степени принадлежать свидетелю К.

Утверждение суда, что вина Стрельцова доказывается результатами экспертизы, неправомерно и подлежит исключению из приговора.

Пункт 3

Из приговора: вина Стрельцова доказана показаниями свидетелей, слышавших крик потерпевшей о помощи.

В протоколе судебного заседания в показаниях свидетелей не содержится ни малейшего упоминания, что Лебедева звала на помощь. Часть лиц, на которых ссылалось следствие, заявили, что вообще не слышали голоса Лебедевой. Свидетели Тимашук, Ефимова, Огоньков сообщили, что слышали, как Лебедева звала по имени свою подругу Инну, из чего они не сделали вывод, что Лебедева звала именно на помощь. Суд произвольно сделал такой вывод, незаконно сослался на свидетелей и на этом основании установил вину Стрельцова.

Утверждение суда, что вина Стрельцова доказана показаниями свидетелей, не подтверждается материалами судебного следствия и подлежит исключению из приговора.

Таким образом, все утверждения суда, включенные в приговор, являются необоснованными.

Как видите, от приговора ничего не осталось. Это и есть вновь открывшиеся обстоятельства.

Что дальше? Будем ожидать заключение прокурора. Только ему принадлежит право следственной оценки вновь открывшихся обстоятельств. После чего прокурор отправляет свое заключение в суд.

Этот путь еще предстоит пройти.
Эдвард МАКСИМОВСКИЙ,
автор книги «Кто заказал Эдуарда Стрельцова?»»